

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советская доктрина
международного права.**

Глава 2.

*Внешнеполитическая деятельность А.Я. Вышинского
в сентябре–декабре 1940 года*

Опубликовано:

Законодательство.

2024. № 4. С. 86–94. № 5. С. 87–94. № 6. С. 87–94. № 7. С. 87–94.

1

Назначение А. Я. Вышинского первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР состоялось через месяц после завершения его внешнеполитической миссии в Риге. Латвия была принята в состав Советского Союза 5 августа 1940 года, а новую должность Андрей Януарьевич получил 6 сентября 1940 года. Но это назначение не было наградой за успешное выполнение в Риге заданий советского руководства. Пост первого заместителя председателя СНК СССР, который он в то время занимал, уже обеспечивал ему достаточно высокий статус в Советском государстве.

Должность первого заместителя руководителя внешнеполитического ведомства СССР мало что давала Вышинскому, но при этом обременяла его множеством дополнительных должностных обязанностей на весьма ответственном и сложном государственном поприще. Но для этой работы подходил именно он, хорошо ориентированный в юридических хитросплетениях и обладавший высоко развитым чувством здравого смысла, — особенно после событий в Прибалтике летом 1940 года.

Вступление прибалтийских республик в советское союзное государство породило целый ряд внешнеполитических проблем, затрагивавших основные принципы и нормы международного права и требовавшие договорного решения. США и Великобритания не признали вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза и потому не пошли на предполагавшуюся в

этом случае ликвидацию посольств и консульств этих стран, отказались возвращать золото этих республик, хранившееся в американских и британских банках, а также около 50-ти принадлежавших им пароходов, которые находились в начале августа 1940 года в американских и британских портах¹. 6 августа 1940 года Банк Англии сообщил своему правительству, что стоимость золота трех прибалтийских республик в его авуарах составляет в общей сложности 3 866 000 фунтов стерлингов. 17 августа британский Foreign Office признал, что стоимость активов Великобритании в этих странах составляет не более 1,5 миллионов фунтов стерлингов².

Данная ситуация представлялась вполне разрешимой. Правительству Великобритании достаточно было представить советскому правительству документы, подтверждающие стоимость британских активов в Латвии, Литве и Эстонии, и затем, заручившись согласием советского правительства, вычесть ее из стоимости золота, принадлежавшего прибалтийским республикам, на чьей территории находились указанные активы, остальное же вернуть. Осуществление этой несложной операции частично решило бы и другую проблему – тем самым фактически признавалось бы вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза.

Однако британское правительство и руководство США отказались таким способом решать проблемы, возникшие вследствие изменения статуса Прибалтийских республик, и стали отстаивать правомерность задержания принадлежавших последним пароходов и золотых слитков.

Но неуступчивость в этом вопросе проявило и советское руководство. «Такие факты, как задержание золота Англией в Прибалтах, ущемляют наши интересы, что, конечно, не благоприятствует развитию отношений между странами в лучшую сторону»³, – заявил 7 августа 1940 года на встрече с послом Великобритании Стаффордом Криппсом⁴ нарком иностранных дел СССР В. М.

¹ В портах США было задержано 10 пароходов, а в британских – 39.

² Foreign Office. 371 – 24764. No 6436/2039/59. Эти данные из архива Foreign Office приведены в статье: *Anderson E. British policy toward the Baltic States, 1940-41 // Journal of Baltic Studies. 1980. Vol. 11. Issue 4. P. 329.*

³ Беседа Наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 7 августа 1940 г. // *Документы внешней политики СССР. Том 23: 1940 – 22 июня 1941: В 2 кн. (в 3 ч.). Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940. М., 1995. С. 487.*

⁴ Ричард Стаффорд Криппс (*Richard Stafford Cripps*, 1889–1952) пребывал в Москве как чрезвычайный и полномочный посол его Величества в СССР с июня 1940 до января 1942 г. Он носил два имени, поэтому в одних случаях его называли Ричардом Криппсом, но чаще – Стаффордом Криппсом.

Молотов. После этих слов он еще дважды обратил внимание британского посла на возникшие сложные обстоятельства. «Вместо того, чтобы улучшать отношения, имеется новый сюрприз со стороны Англии, как, например, дело с прибалтийским золотом»⁵, — посетовал Вячеслав Михайлович. Посол в ответ сказал, что «если бы были сделаны какие-нибудь объяснения или были бы сделаны протесты, то можно было бы что-либо предпринять в этом отношении». Молотов возразил, что был сделан протест о золоте.

Согласно записи данной беседы, Криппс далее заметил: «Этот вопрос, как ему известно, сейчас разрешается Майским в Лондоне и было бы очень хорошо, если бы тов. Молотов дал указание Майскому действовать более активно. Криппс сделал попытку представить обстоятельства так, что если бы, например, был проявлен акт доброжелательности со стороны Советского правительства, то можно было бы быстрее уладить вопрос с золотом прибалтов»⁶. Но Молотов данный порыв британского посла охладил, возразив, что «совершенно нельзя связывать эти вопросы в предложенной форме, т. к. в данном случае мы являемся обиженной стороной и не должны делать какие-либо уступки для заглаживания вины кого-то другого»⁷.

На этом разговор Криппса с Молотовым завершился. В дальнейшем проблемы, возникшие во взаимоотношениях между Великобританией и СССР в результате вхождения прибалтийских республик в состав Советского Союза, британский посол обсуждал в основном с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским.

Первая их беседа состоялась 14 сентября 1940 года. Ее содержание, зафиксированное самим Вышинским, представляет интерес уже само по себе, так как встретились два ведущих юриста Великобритании и Советского Союза для обсуждения межгосударственных проблем, имевших не только политическую, но и юридическую подоплеку. Вопросы о признании нового статуса Прибалтийских республик и о передаче пароходов и золота, принадлежавших им как самостоятельным государствам, Советскому Союзу, частью которого они стали в начале августа 1940 года, — все эти темы, безусловно, затрагивали нормы и принципы международного права.

⁵ Беседа Наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 7 августа 1940 г. С. 488.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Встреча Криппса с Вышинским началась с обмена любезностями. Британский посол сказал, что «рад встретиться и поговорить с крупным юристом Советского Союза». Вышинский ответил, что «тоже рад встретиться с крупным юристом Англии, особенно зная его неоднократные выступления в пользу Советского Союза». Криппс воспользовался этим замечанием, чтобы выразить свою симпатию к нашей стране. «Да, — отреагировал он, — единственный раз, когда меня освистали в парламенте, — это было за мое выступление в пользу Советского Союза»⁸.

Вышинский не льстил своему собеседнику: Стаффорд Криппс действительно был авторитетным английским юристом. Он получил юридическое образование в 1910–1913 годах в судейской общине (Inns of Court) Мидл Тампл (The Honourable Society of the Middle Temple)⁹. После окончания Первой мировой войны Криппс занялся адвокатской практикой. Обладавший от природы незаурядной памятью, отличавшийся безупречной логикой, умением выстроить аргументацию, а также великолепными ораторскими способностями, он довольно быстро завоевал репутацию талантливого адвоката, самого выдающегося в своем поколении английских адвокатов¹⁰. В 1927 году за успешное ведение судебных дел Криппс был удостоен по рекомендации лорда-канцлера звания «королевского адвоката (King Coucillar)». С 22 октября 1930-го по 24 августа 1931 года сэр Стаффорд Криппс занимал должность Генерального солиситора Англии и Уэльса (*Solicitor-General for England and Wales*), который являлся помощником Генерального атторнея, представлявшего в судах интересы Короны и Правительства Великобритании¹¹.

⁸ Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 14 сентября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1 Январь – октябрь 1940. М., 1995. С. 598.

⁹ До этого Криппс с 1901-го по 1907 г. обучался в Винчестерском колледже (*Bryant C. Stafford Cripps. London, 1997. P. 23–35* (глава «Winchester Notions»), а с 1908-го по 1910 г. изучал химию в Университетском колледже Лондона (*Clark P. Cripps version. Life of Sir Stafford Cripps, 1889-1952. London, 2002. P. 11*).

¹⁰ В 1942 г. в Нью-Йорке вышла книга Патриции Страусс «Криппс, необычный адвокат» (*Strauss P. Cripps, Advocate Extraordinary. New York, 1942*). А в следующем году в Лондоне появилась книга того же автора «Криппс, адвокат и мятежник» (*Strauss P. Cripps advocate and rebel. London, 1943*).

¹¹ «Пост Генерального солиситора в Британском правительстве является гибридом. Это политическое назначение на министерскую должность, однако требующее юридической квалификации» (*Clark P. Cripps version. Life of Sir Stafford Cripps. P. 39*).

Упомянутое Криппсом «выступление в пользу Советского Союза», было его речью в Палате общин 5 апреля 1933 года, где он представлял лейбористскую партию при обсуждении во втором чтении Билля о запрете импорта русских товаров (Russian Goods (Import Prohibition) Bill). Данный акт был принят 13 апреля 1933 года¹². Поводом для введения предусмотренного им запрета на ввоз в Великобританию советских товаров стал арест 12 марта 1933 года сотрудниками ОГПУ шестерых британских подданных и предание их суду после месяца расследования по уголовному делу о вредительстве на электрических станциях в СССР. Дело рассматривалось Специальным присутствием Верховного Суда СССР с 12 по 19 апреля 1933 года¹³. Председательствовал на суде В. В. Ульрих, а главным государственным обвинителем являлся прокурор РСФСР А. Я. Вышинский.

В своей обвинительной речи, произнесенной на вечернем заседании 16 апреля и утреннем заседании 17 апреля 1933 года, Андрей Януарьевич четыре раза упомянул имя Стаффорда Криппса и даже процитировал его выступление в палате общин, которое состоялось за одиннадцать дней до этого.

Таким образом, уголовное дело 1933 года о вредительстве на электрических станциях в СССР странным образом соединило этих двух людей, и, думается, совсем неслучайно именно Вышинскому было поручено вести с британским послом долгие беседы-переговоры. Они — пусть и заочно — были знакомы друг с другом и могли общаться без лишней формальностей. В неопубликованной части своих дневников Стаффорд Криппс отразил свое впечатление от разговоров с Вышинским. Сравнивая первого заместителя наркома иностранных дел с наркомом Молотовым, Криппс отметил, что Вышинский говорил свободнее. Впрочем, по понятным причинам британский посол предпочитал вести переговоры с Молотовым, однако нарком иностранных дел

¹² Первая статья данного акта устанавливала: «Его Величество вправе путем прокламации запретить ввоз в Соединенное Королевство всех товаров, выращенных, произведенных или мануфактурированных в Союзе Советских Социалистических Республик, или любого класса или описания таких товаров, указанных в прокламации» (Russian Goods (Import Prohibition) Act, 1933. (23 & 24 Geo. 5.) Charter 10. An Act to authorise the prohibition of the importation of Russian goods [13th April 1933] // <https://vlex.co.uk/vid/russian-goods-import-prohibition-808327069>).

¹³ «Официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР» был напечатан тиражом в 30 000 экз. и в трех выпусках: Вып. 1. Заседания 12 и 13 апреля 1933 г. Вып. 2. Заседания 14 и 15 апреля 1933 г. Вып. 3. 16, 17, 18 и 19 апреля 1933 г.

вплоть до весны 1941 года не отвечал на его просьбы о встрече. Зато Вышинский от таких просьб не отказывался никогда.

Стаффорд Криппс был инструментом премьер-министра Уинстона Черчилля в его сложнейшей дипломатической игре, затеянной в июне 1940 года Сталин и Молотов, судя по всему, разгадали если не детали, то основные контуры дипломатической игры Черчилля и начали в сентябре собственную игру, выставив против Криппса, имевшего репутацию основательного и очень умного человека среди английских аристократов, изощренно умного Вышинского. Криппс и Вышинский как будто были уже готовы сыграть свои партии. Во всяком случае, первая беседа Криппса и Вышинского началась так, как будто она продолжила давно начатый разговор.

* * *

О речи в Палате общин 5 апреля 1933 года, английского лейбориста Стаффорда Криппса, который стал защищать Советское государство, Вышинский узнал, скорее всего, из газеты «Правда» за 8 апреля 1933 года, где на первой странице в центре были опубликованы материалы о втором чтении в палате общин проекта закона о запрещении советского импорта в Англию. В верхней части страницы приводилось содержание законопроекта. Ниже шла критическая статья о руководителе британского внешнеполитического ведомства (без указания автора). В ней говорилось, что Джон Саймон в своем выступлении в Палате общин перед вторым чтением законопроекта о запрещении русского ввоза убеждал депутатов в том, что они должны рассмотреть вопрос о предоставлении правительству полномочий, которые «непосредственно и неоспоримо дали бы понять советским властям, что меры, которые они принимают, и тревога, которую вызвала судьба этих подсудимых, действительно сделали для нас невозможным вести переговоры о торговых соглашениях»¹⁴.

В том же номере газеты была опубликована статья «Акт классовой ненависти», где приводилось основное содержание речи лейбориста Стаффорда Криппса на заседании Палаты общин 5 апреля 1933 года: «Криппс согласен с тем, что Англия имеет абсолютное право покровительствовать своим гражданам, где бы они ни находились, или делать всевозможные и самые полные расследования. Но международное право не разрешает вмешательства чужих держав во внутренние дела, если только не доказано, что возникло какое-

¹⁴ Саймон в роли защитника Конаров-Коварских // Правда. 1933. № 97 (5623). 8 апреля. С. 1.

нибудь специфическое положение»¹⁵. Согласно статье, Криппс, подчеркнув, что «каждая страна обязана защищать свой социальный строй и настаивать на соблюдении ее законов не только ее гражданами, но и иностранцами», в то же время указал, что недопустимо оказывать давление на следствие и суд правительственными телеграммами. По мнению Криппса, у британского правительства нет никаких оснований для применения репрессий во внешней торговле по отношению к СССР из-за ареста британских подданных. Завершалась статья высказыванием Криппса о предубежденности по отношению к нашей стране со стороны Запада: «Совершенно ясно, что если подобное дело имело бы место в другой стране, а не в России, то никакие репрессии не были бы приняты»¹⁶.

Благодаря публикации в газете «Правда» выдержек из речи Стаффорда Криппса в защиту Советского государства советское руководство стало считать его политиком левых взглядов, благожелательно относящимся к СССР¹⁷. Оригинальный же текст речи английского лейбориста на заседании Палаты общин 5 апреля 1933 года, опубликованный в ежегодном британском издании «Парламентские дебаты», показывает, что он просто следовал здравому смыслу и общепризнанным в человеческом обществе принципам права.

Криппса возмутило то, что британское правительство, не ознакомившись с материалами уголовного дела, открытого против британских подданных, не имея вообще никакой информации об этом деле, поспешило заявить, что никаких оснований для обвинений и ареста нет и, если не будут приняты меры для исправления положения, последуют неблагоприятные последствия для англо-советских отношений.

По свидетельству посла СССР И. М. Майского, присутствовавшего в зале заседания палаты общин при выступлении Стаффорда Криппса, «лейбористского оратора встретили громкими криками: “Позор! Позор!”». Речь

¹⁵ Акт классовой ненависти // Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В телеграмме послу СССР в Великобритании И.М. Майскому от 1 июня 1940 г. по поводу назначения новым послом Великобритании в СССР Стаффорда Криппса, В.М. Молотов сообщил: «У меня создалось впечатление, что Британское правительство желает назначить послом в СССР непременно левого деятеля. Однако Советское правительство считает, что для советско-английских отношений не имеет никакого значения, из какой политической группировки, правой или левой, будет английский посол, а имеет значение только одно, а именно чтобы посол действительно представлял мнение английского правительства» (Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940 г. М., 1995. С. 306).

Криппса отнюдь не носила революционно-политического характера. Напротив, он подошел к своей задаче главным образом как профессиональный юрист (каковым он был). Криппс сначала напомнил депутатам парламента элементарные положения международного права, касающиеся суверенитета государства, а затем перешел к анализу прохождения дела инженеров «Метро-Виккер в советских судебных инстанциях»¹⁸.

В начале своей речи Криппс предложил палате общин вникнуть в слова великого авторитета в области юриспруденции сэра Роберта Филлимора: «Государство, к которому принадлежит иностранец, может вмешаться для его защиты, когда он подвергся жестокому обращению, или когда ему было отказано в обычном правосудии в другой стране»¹⁹. Далее он сказал: «Я уверен, что каждый в этой Палате глубоко верит в традиционную честность британцев, и я уверен, что каждый в этой Палате так же сильно надеется, как и я, что эти люди абсолютно невиновны. Но я думаю, что никто не может сказать в отношении любого человека, что он ни при каких обстоятельствах не может быть виновен, потому что, в конце концов, именно об этом сообщил посол в день ареста этих людей, еще до того, как он узнал о предъявленном обвинении. Прежде чем он вообще что-либо узнал об этом, он сообщил, что это не заслуживает доверия»²⁰.

В конце речи Криппс призвал депутатов и правительство «попытаться в сложившихся обстоятельствах сделать то, что является наилучшим с точки зрения наших отношений с Россией и защиты этих людей». «Если мы продолжим, — заявил он, — нагнетать недоброжелательство в России подобными заявлениями... и такого рода экстренными мерами, которые предполагают обращение с Россией таким образом, каким ни с одной страной никогда раньше не обращались.., то мы поставим под серьезную угрозу не

¹⁸ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 267.

¹⁹ Стаффорд Криппс точно воспроизвел умозаключение английского судьи и правоведа Роберта Джозефа Филлимора (1810–1885) из второй главы пятой части второго тома его комментария к международному праву: «The State, to which the foreigner belongs, may interfere for his protection when he has received positive maltreatment, or when he has been denied ordinary justice in the foreign country» (*Phillimore R. Commentaries upon International Law. Vol. 2. Philadelphia, 1855. P. 24*).

²⁰ *The Parliamentary Debates (official report). 5th series (Commons). Vol. 276. 20 March–13 April 1933. Col. 1792.*

только все будущие отношения с Россией, но и судьбу людей, которые все еще находятся в их руках и с которыми им приходится иметь дело, а не нам»²¹.

По воспоминания И. М. Майского, «несмотря на всю свою умеренность, речь Криппса вызвала среди сторонников правительства настоящий пароксизм ярости. Лейбористского оратора все время прерывали враждебными возгласами и криками негодования»²².

Стаффорд Криппс вряд ли был знаком с обстоятельствами уголовного дела, когда 5 апреля 1933 года выступал в палате общин. Но он понял, что посол Великобритании в СССР и британское правительство действовали, реагируя на арест в СССР шести британских подданных, вопреки элементарному правосознанию и нормам международного права. Его речь, воспринятая в СССР и Великобритании как выступление в защиту Советского государства, в действительности была всего лишь попыткой защитить здравый смысл в государственной политике²³.

Вышинский также отличался, как уже отмечалось при рассмотрении его прокурорской и научной деятельности, высокоразвитым чувством здравого смысла. Выступая государственным обвинителем в процессе, где шесть подсудимых были британскими подданными, он сумел так построить свою обвинительную речь, что она не выглядела инвективой, которую бросают во врагов, но несла в себе даже некую долю сочувствия.

Британские подданные, арестованные по этому делу вместе с двенадцатью советскими гражданами, были служащими английской частной компании «Метрополитен-Виккерс (Metropolitan-Vickers Electrical Export Company)» — крупного производителя оборудования для электростанций и основным его поставщиком в СССР. Кроме того, эта компания обеспечивала монтаж,

²¹ Ibid. Col. 1800.

²² Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 268.

²³ После того, как Стаффорд Криппс познакомился со стенографической записью открытого московского судебного процесса по вредительству на электрических станциях в СССР он дал еще более отрицательную оценку действиям британского правительства в связи с арестом шести подданных Великобритании. Выступая 6 мая 1933 г. с публичной речью в Бристоле, Криппс, отметив, что при чтении записей судебного отчета невозможно сказать, что эти люди невиновны, заявил: «Очевидно, что не было никакого возможного оправдания для принятия политических мер против российского правительства на основании фактов судебного разбирательства (Clearly, there was no possible justification for taking political action against the Russian Government on the strength of the trial)» (Morning Post. 1933. 8 May // The Moscow Trial (April, 1933) / Compiled by W.P. Coates. London, 1933. P. 5).

установку данного оборудования. ОГПУ обратило внимание на деятельность британских служащих этой компании после того, как в 1931–1932 годах стали регулярно происходить аварии, в результате которых переставало работать дорогостоящее и сложное оборудование: турбины, генераторы, двигатели, котлы и т. д. Являлись эти аварии результатом диверсий или некачественного выполнения работ, вряд ли можно было определить с точностью без тщательного расследования.

Но сбор информации о строившихся в СССР электростанциях и производственных стратегических предприятиях скорей всего действительно имел место. Почти все арестованные британские подданные были в той или иной мере связаны в прошлом с разведывательными органами Великобритании и действовали на территории нашей страны именно как их представители²⁴.

А дача взяток советским должностным лицам была в компании неотъемлемой частью процесса функционирования. Существовал даже бюджет для подкупа, были выделены люди для совершения таких действий. Правда, в правительстве и парламенте Великобритании дача взяток английской компанией туземным должностным лицам не считалась преступлением. Вышинский же в обвинительной речи констатировал: «В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых? Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования, 2) военный шпионаж, 3) подкуп.

²⁴ Государственный обвинитель говорил на суде: «Один маленький штрих. Когда мы говорим о Монкгаузе, то мы не должны забывать 1917 год, мы не должны забывать 1918 год, когда Монкгауз служил в Архангельске в интервенционистском отряде английского корпуса, который вел войну против нашей советской власти, против рабочих и крестьян нашей страны, вел вооруженную борьбу под руководством, при непосредственном и активном участии в этой борьбе против нас того Ричардса, с которым и дальше поддерживал связь Монкгауз по своей работе в “Метро-Виккерс” и который тогда был связан с знаменитой “Интеллидженс Сервис”, связь Ричардса с которой в настоящее время меня совершенно не интересует» (Речь государственного обвинителя т. Вышинского/ 16 апреля 1933 г. // Официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР. Вып. 3. 16, 17, 18 и 19 апреля 1933 г. М., 1933. С. 70).

Тягчайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против советской страны, против своего народа!»²⁵.

Казалось бы, государственный обвинитель должен был требовать для подсудимых самого сурового наказания. Но Вышинский в конце своей речи вдруг смягчил ее обвинительный пафос. «Обвинение, предъявленное по 58 ст. Уголовного кодекса, — сказал он, — содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты — о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре. Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми перед тем, как этим обвиняемым стать осужденными; он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление»²⁶.

Искусственность этого поворота проявлялась в том аргументе, который Вышинский привел, обосновывая необходимость смягчения наказания: «Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я, как представитель государственной власти, обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены»²⁷. Аргумент этот — абсолютно надуманный, легковесный.

В результате, по приговору суда один британский подданный был оправдан, так как показания других подсудимых на него сочли оговором. Трое были приговорены к удалению из СССР в течение трех суток с запрещением въезда в СССР сроком на 5 лет. Один был приговорен к трем годам лишения свободы, другой — к двум годам.

Из советских же граждан трое получили десять лет лишения свободы, трое — восемь лет, один — пять лет, остальные от полутора лет до трех²⁸.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Там же. С. 76.

²⁷ Там же.

²⁸ Приговор Специального присутствия Верховного суда. 19 апреля 1933 г. // Официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР. Вып. 3. С. 162–163.

* * *

Необычно мягкий исход уголовного дела в отношении британских подданных объяснялся желанием советского руководства не разрывать отношений с Великобританией в условиях, когда в Германии утверждала свою власть партия войны — политическая сила, ориентированная на завоевание жизненного пространства для германской нации на исконных исторических территориях русского народа. Для прокурора Вышинского такой приговор был поражением, но для него же как первого заместителя наркома иностранных дел — весьма благоприятным исходом.

14 сентября 1940 года, когда Вышинский начинал беседу с послом Великобритании Стаффордом Криппсом, между ними не было преграды, каковой мог бы стать смертный приговор, вынесенный в Верховном Суде СССР британским подданным на основании обвинительной речи Вышинского. Напротив, этот судебный процесс стал мостиком между ними.

Обменявшись в первые минуты встречи любезностями, Вышинский и Криппс сразу заговорили о главной проблеме, заставившей их встретиться. Британский посол сказал первому заместителю наркома иностранных дел СССР, что хотел бы неофициально обсудить с ним некоторые вопросы, связанные с урегулированием проблемы с имуществом Прибалтийских республик, вошедших в состав СССР.

6 августа 1940 года Криппс имел разговор с наркомом внешней торговли А. И. Микояном о возможных торговых соглашениях между Великобританией и СССР, во время которого Анастас Иванович дал понять британскому послу, что пока не будет урегулирован вопрос об отношении британского правительства к Прибалтийским республикам, ставшим частью Советского Союза, и о задержанных в британских портах пароходах, торговля между двумя странами вестись не будет²⁹.

Криппс передал Вышинскому слова Микояна и сообщил, что стремился побудить Британское правительство «возвратить деньги, принадлежащие Прибалтийским государствам, но, что в то же время, насколько он понимает, британское правительство не может в настоящее время, учитывая общественное

²⁹ Беседа наркома внешней торговли СССР А.И. Микояна с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 6 августа 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 480–482.

мнение, а также мнение США, вернуть золото Прибалтийским государствам»³⁰.

Британский посол не лукавил: он действительно пытался убедить правительство Великобритании признать включение Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза. По словам его биографа Питера Кларка, «их оккупация Россией в июне показалась Криппсу, скорее, свидетельством озабоченности России своей безопасностью, нежели проявлением ее империалистической экспансии»³¹. Любопытно, что эту позицию Криппса разделял и глава британского Кабинета министров Уинстон Черчилль. В письме послу Великобритании в СССР от 22 июня 1940 года премьер-министр сообщал, что он так же, как и Криппс, склоняется к мысли о том, что аннексия Прибалтийских государств их могущественным соседом «продиктована усилением и масштабом опасности со стороны Германии, угрожающей сейчас России, и в этом случае советское правительство вполне может быть оправдано в том, что приняло в целях самообороны такие меры, которые при других обстоятельствах могли бы вызвать критику»³².

Вышинский пытался доказать британскому дипломату-юристу, что британское правительство не имело права арестовывать имущество чужого государства. Оправдывая действия правительства своей страны, Криппс в конце концов заявил, что «британским парламентом принят закон, по которому власти имеют право наложить арест на любое имущество любого государства, находящееся в Британской империи»³³. Вышинский на это сказал, что с таким расширительным пониманием юрисдикции Великобритании согласиться нельзя согласиться, поскольку принятый британским парламентом акт, затрагивающий интересы СССР, неправомерен.

Основной мотив Криппса в данном споре «сводился к утверждению, что Британское правительство якобы рассматривало и имело право рассматривать

³⁰ Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 14 сентября 1940 г. С. 599.

³¹ Clarke P. *The Cripps Version: The Life of Sir Stafford Cripps, 1889-1952*. London, 2002. P. 203-204.

³² «The Annexation of the Baltic States is dictated by the imminence and magnitude of the German danger now threatening Russia, in which case the Soviet Govt. may well have been justified in taking in self-defence such measures as might in other circumstances have been open to criticism» (W. Churchill to R.S. Cripps, 22 June 1940 // *Gorodetsky G. Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia*. London, 1999. P. 37).

³³ Там же.

золото Прибалтийских государств как ценности, принадлежащие не СССР и даже не Прибалтийским государствам, а как имущество частных банков»³⁴.

Вышинский возразил на это, что фактические обстоятельства изменились, а значит другим стал и статус золота. Его оппонент выдвинул дополнительный довод: «Золото еще не было передано балтийскими банками СССР и в силу этого не должно рассматриваться как собственность СССР»³⁵. Вышинский ответил, что «передача не состоялась именно вследствие неправомерного вмешательства английского правительства, незаконно наложившего на это золото арест»³⁶. Криппс опять сослался на парламентский акт, который дает британскому правительству право на арест любого имущества на своей территории, добавив, что при рассмотрении прибалтийского вопроса правительство учитывает конфискованные государственные и частные английские вложения в Прибалтийских государствах.

Затем Криппс поинтересовался у Вышинского, нельзя ли Великобритании и СССР «заморозить» все взаимные претензии и контрпретензии до конца войны или хотя бы до тех пор, когда Англия сможет отразить германское нашествие. Вышинский ответил, что не считает правильным и целесообразным «замораживать» такие вопросы, тем более что «советское правительство рассматривает арест британским правительством советского золота как незаконный акт», поэтому до урегулирования между СССР и Великобританией прибалтийского вопроса, расширение торговых отношений едва ли возможно.

Снова обратившись к юридическим обоснованиям действий английских банков, задержавших прибалтийское золото, Криппс заявив, что «советское правительство может обжаловать перед судом действия английских банков»³⁷. Вышинский ответил, что «такая постановка вопроса совершенно неприемлема, так как дело идет о нарушении интересов суверенного государства, а не о споре частного-правового характера»³⁸.

Завершая разговор, Криппс поблагодарил Вышинского за приятную беседу и спросил, может ли он рассчитывать на то, что в недалеком будущем снова будет принят им, так как у него остались неразрешенные вопросы. Вышинский ответил, что будет рад новой встрече.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 600.

³⁸ Там же.

Андрей Януарьевич, по-видимому, уже после первой беседы понял, для чего Криппс назначен послом Великобритании в СССР, с какой настоящей целью прислал его в Москву британский премьер-министр Уинстон Черчилль.

2

Документы внешней политики СССР второй половины 1940 – первой половины 1941 года показывают, что сфера деятельности А. Я. Вышинского на посту первого заместителя наркома иностранных не ограничивалась советско-британскими отношениями. Он регулярно встречался и вел беседы с послом США в СССР Л. А. Штейнгардтом, послом Германии Ф. В. Шуленбургом и советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом, посланником Финляндской Республики Ю. К. Паасикиви посланником Королевства Югославия в СССР М. Гавриловичем, посланником Королевства Румынии Г. Гафенку, послом Турецкой Республики А. Г. Актаем. Андрей Януарьевич занимался и советско-французскими, советско-китайскими, советско-греческими, советско-венгерскими, советско-болгарскими отношениями.

Однако чаще всего Вышинский встречался в этот период с Р.С. Криппсом: с 14 сентября 1940 года по 4 июня 1941 год Андрей Януарьевич не менее пятнадцати раз вел довольно продолжительные и содержательные разговоры с послом Великобритании³⁹. Одновременно Вышинский регулярно общался посредством телеграмм с чрезвычайным и полномочным послом СССР в Великобритании И. М. Майским.

Взаимоотношения с Великобританией были в то время для Советского государства намного более значимы, чем отношения с нацистской Германией. И Вышинский снова оказался одним из главных участников политических процессов, имевших чрезвычайное влияние на судьбу Советского государства. Только на этот раз процессы были внешнеполитическими по своему характеру и мировыми по значению. Они создали условия и предпосылки для объединения СССР, США и Великобритании в союз, названный впоследствии «великим альянсом (grand alliance)». Он сыграл огромную роль в борьбе с фашистской Германией, покорившей и поставившей себе на службу почти всю

³⁹ Согласно отчетам, опубликованным в сборнике «Документы внешней политики», в 1940 г. Вышинский имел беседы с Криппсом 14 и 20 сентября, 9, 17, 22 октября, 2, 11, 19 ноября; в 1941 г. – 24 и 25 февраля, 6, 10, 22 марта, 18 апреля, 4 июня (Документы внешней политики СССР. Т. 23: 1940 – 22 июня 1941: В 2 кн. (в 3 ч.). М., 1995; 1998).

Европу, а также в становлении послевоенного международно-правового порядка.

Как известно, данный союз существовал всего несколько лет и по окончании Второй мировой войны распался. Но не распад его был удивительным, а его возникновение. Как удалось руководителям трех столь разных по своему социально-экономическому и политическому строю стран и таких несхожих по своим государственным интересам держав на время примирить все эти расхождения и противоположности, чтобы могла появиться единая международная могучая воля, запаса сил которой хватило не только на разгром фашистских государств Европы и Дальнего Востока, но и на создание Организации Объединенных Наций, и на проведение Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, и на осуществление широко комплекса мер денацификации заболевших нацизмом европейских обществ, в первую очередь, — немецкого?

Это оказалось возможным осуществить прежде всего потому, что с лета 1940 года во взаимоотношениях Советского Союза и Великобритании, с одной стороны, СССР и США, с другой стороны, Великобритании и США, с третьей стороны, шел процесс распутывания проблем, сглаживания противоречий, сближения государственных интересов. В результате к моменту, когда Германия решилась нанести военный удар по Советскому Союзу, многое было уже подготовлено для того, чтобы началось объединение СССР, США и Великобритании в международный союз.

Подготовка шла, помимо прочего, и посредством многочисленных переговоров британских и советских руководителей и должностных лиц. Деятельность Вышинского на этом поприще имела первостепенное значение. Ему чаще других приходилось вести переговоры с представителями Великобритании. Документы, отразившие напряженную работу политиков того периода, раскрывают многие тайны процесса сближения Великобритании с Советским Союзом и показывают с какими сложностями был связан этот процесс.

* * *

Договор о ненападении, заключенный с Германией 23 августа 1939 года, советское руководство не могло не рассматривать как соглашение вынужденное и временное, предназначенное лишь для того, чтобы отодвинуть момент вторжения германского вермахта в пределы нашей страны. Это соглашение, называемое в исторической литературе пактом Молотова-Риббентропа,

позволило советскому руководству решить ряд очень сложных и насущных проблем⁴⁰, но оно не могло предотвратить нападение Германии на СССР. Нацистское государство в его германском варианте было запрограммировано на войну и геноцид, оно создавалось специально для уничтожения Советского государства и беспощадного истребления его населения — прежде всего русского народа, составляющего государствообразующее ядро нашей страны.

Начальник генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии генерал-полковник Франц Гальдер записал в своем дневнике наиболее значимые тезисы речей и разговоров, которые слышал на совещаниях у Гитлера. Из этих записей следует, что уже летом 1940 года Гитлер и его генералитет считал необходимым и неизбежным вооруженное нападение на Советский Союз, причем в ближайшем будущем. Разгром Франции, осуществленный Германией всего за полтора месяца (10 мая — 25 июня 1940 г.), освободил немецкий вермахт для новых масштабных операций и лег в основу мифа о его всемогуществе и непобедимости. На совещании, которое состоялось в Берлине 22 июля 1940 года, его участники признали: «Русская проблема будет разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции»⁴¹. При этом были сформулированы не только военные, но и политические задачи данной операции: «Разбить русскую сухопутную армию или, по крайней мере,

⁴⁰ Историк И.С. Шишкин в своей книге, посвященной данному соглашению, сделал следующие вполне обоснованные выводы: «Пакт Молотова — Риббентропа в 1939 году не позволил Британии спровоцировать советско-германскую войну, Пакт дал возможность СССР в 1940 году вернуть утраченные после революции территории и тем самым увеличить глубину стратегической обороны на западном направлении. Это сыграло ключевую роль в провале блицкрига.

За полтора года мирной передышки, обеспеченных Пактом, Советский Союз успел подготовить экономику страны к переводу ее на военные рельсы, а также сделать мощный рывок в развитии второй промышленной базы страны на востоке, создать условия для быстрой и эффективной эвакуации промышленных предприятий из европейской части государства. Все это позволило СССР выдержать удар 1942 года.

Пакт вынудил Британию и Соединенные Штаты Америки стать нашими союзниками, создал условия для возникновения антигитлеровской коалиции. Взаимодействие с союзниками как минимум на год приблизило Победу и спасло миллионы жизней советских людей.

Пакт проложил путь к Ялтинским и Потсдамским соглашениям, определившим послевоенное мироустройство.

Поэтому Пакт Молотова — Риббентропа по праву является Пактом Победы» (Шишкин И.С. Безупречный Пакт: Кто разрушил Британскую империю. М., 2021. С. 163–164).

⁴¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: В 3 т. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7 1940 — 21.6 1941). М., 1969. С. 60.

занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры. Политические цели: Украинское государство, федерация Прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия. Прибалтика – заноза в теле»⁴².

На этом совещании говорилось и об отношениях СССР с Великобританией. Франц Гальдер изложил то, что услышал в речи Гитлера, так: «Россия – Англия: Обе склонны к сближению. Русские боятся скомпрометировать себя перед англичанами; русские не хотят войны. Во время переговоров Сталина с Крипсом Сталин официально воздержался от сближения с Англией. Россия отклонила английскую политику “равновесия” и английские условия торговли между обеими странами»⁴³.

Разговор Сталина с новым послом Великобритании состоялся 1 июля 1940 года. Его запись показывает, что Гитлер получил ложную информацию о том, что на самом деле говорил Сталин Крипсу, или же сознательно исказил сказанное советским руководителем. Но примечательно, что вождь нацистской Германии был сильно встревожен фактом советско-английских переговоров. Согласно записи, сделанной помощником наркома иностранных дел М. М. Потрубачем, Крипс в начале разговора со Сталиным сказал, ссылаясь на переданное письмо премьер-министра Уинстона Черчилля советскому руководству, что «Англия хочет иметь с СССР хорошие отношения» и что «главной задачей Англии является защита от германской агрессии и в то же время поддержание равновесия в Европе»⁴⁴. Сталин отметил, что у Советского государства «нет блока с Германией на предмет войны против Англии», а есть только пакт о ненападении. Касаясь же равновесия, Сталин сказал, что советское руководство желает лишь «изменить старое равновесие в Европе, которое действовало против СССР. Как известно по результатам переговоров, англичане и французы не пошли в этом вопросе навстречу. Это послужило базой сближения СССР с Германией, которое и было проведено в тех размерах,

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 61.

⁴⁴ Беседа генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р.С. Крипсом в Кремле. 1 июля 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1: Январь – октябрь 1940 М., 1995. С. 394.

о которых говорилось выше»⁴⁵. Далее Сталин заметил: «Если идет вопрос о восстановлении равновесия и, в частности, установлении равновесия в отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем»⁴⁶.

Криппс относительно вопроса о равновесии сообщил, что, по его мнению, «Английское правительство не считает возможным восстановление старого равновесия. Без сомнения, возникнет вопрос о том, какое должно быть равновесие. Точка зрения премьера — какое-то равновесие должно существовать, но никак не господство какой-то одной силы». Сталин сказал, что «это совершенно правильно»⁴⁷.

Таким образом, вопреки тому, что говорил Гитлер на совещании 22 июля 1940 года, советское руководство в действительности не отклонило английскую политику “равновесия”.

Что касается торговли между СССР и Великобританией, то запись беседы Сталина с Криппсом отразила следующую позицию советского руководства по этому вопросу: «Тов. Сталин говорит, что он откровенно должен сказать, что СССР будет снабжать немцев цветными металлами для производства продукции, предназначенной для СССР. Если бы немцы не обещали нам дать упомянутое вооружение, то мы никакого договора с ними не подписали бы, и если это обстоятельство представляет препятствие для заключения торгового соглашения между СССР и Англией, то, говорит тов. Сталин, я должен сказать, что соглашение не состоится»⁴⁸.

На совещании в Бергхофе 31 июля 1940 года Гитлер, согласно записи Франца Гальдера, снова затронул тему советско-английских отношений. «Надежда Англии — Россия и Америка, — заявил он. — Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии. Россия является восточноазиатским мечом Англии и Америки против Японии. Здесь дует неприятный для Англии ветер. Японцы, подобно русским, имеют свой план, согласно которому Россия должна быть ликвидирована еще до конца войны»⁴⁹.

При обсуждении этого выступления Гитлера участники совещания выразили мнение о необходимости ускорить подготовку Германии к войне с

⁴⁵ Там же. С. 395.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 398.

⁴⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2. С. 80.

Советским Союзом. Гальдер записал в свой дневник под рубрикой «Подслушанные разговоры»: «Россия недовольна быстрым развитием событий в Западной Европе. Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком [сильной], чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть — восемь месяцев дела обернутся совсем по-другому. Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно»⁵⁰.

Между тем Великобритания с 3 сентября 1939 года находилась в состоянии войны с Германией и к июлю 1940 года ее положение вследствие разгрома Франции и истощения ресурсов сильно ухудшилось. 16 июля 1940 года Гитлер издал следующую директиву: «Поскольку Англия, несмотря на ее безнадежное в военном отношении положение, не проявляет признаков готовности прийти к соглашению, я решил подготовить десантную операцию против Англии и в случае необходимости — осуществить ее... Подготовку к операции следует завершить к середине августа»⁵¹.

На совещании 31 июля 1940 года у Гитлера в Бергхофе, как свидетельствуют дневниковые записи Франца Гальдера, первым вопросом рассматривался как раз вопрос о сроках вторжения германских войск на британские острова. В результате были сделаны следующие выводы: «1. Самый ранний срок — 15.9 (15 сентября 1940 г. — В.Т.). 2. Для обеспечения успеха операции — приоритет требованиям военно-морского командования. 3. Наилучшее время для десанта: май — июнь». Гитлер в своем выступлении сказал о необходимости учитывать при переправе через Ла-Манш погодные условия и сопротивление противника. «Что касается сопротивления противника, — указал он, — то в настоящее время наши сухопутные войска могут встретить лишь слабую английскую армию. Боевого опыта она еще не имеет. Англичане не успели создать новые

⁵⁰ Там же. С. 81–81.

⁵¹ Цит. по: Черчилль У.С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 2: Их самый славный час. М., 1998. С. 151.

формирования. Это удастся им лишь через восемь – десять месяцев. Тогда весной у них будет 30 – 35 дивизий, а это для Англии очень много»⁵².

Уинстон Черчилль, возглавивший 10 мая 1940 года Кабинет министров Великобритании, знал о подготовке руководством Германии захвата британских островов и понимал, что в сложившихся в Европе условиях для Великобритании поистине судьбоносное значение приобретают добрые отношения с Советским Союзом. Впоследствии в своих мемуарах Черчилль написал, что не испытывал «никаких иллюзий относительно позиции русских», но тем не менее старался вести терпеливую политику, которая «заключалась в том, чтобы попытаться восстановить с Россией отношения, основанные на доверии». Серьезными препятствиями для установления доверительных отношений между Великобританией и Советским Союзом был заключенный 23 августа 1939 года советско-германский договор о ненападении, а также резко негативная реакция прежнего британского правительства на применение советским руководством вооруженной силы против Финляндии для разрешения территориального конфликта между двумя государствами. Но Черчилль надеялся преодолеть эти препятствия, уповая, как он сам признался в мемуарах, «на ход событий и коренные противоречия между Россией и Германией»⁵³.

Британский премьер-министр явно не ставил в то время своей целью установление союзнических отношений Великобритании и СССР. Впрочем, такого намерения он не проявлял и позднее. Черчилль в действительности так и не освободился от неприязни и недоверия к нашей стране. К этому следует добавить, что до конца 1941 года он почему-то не верил в ее способность не только разгромить Германию, но даже просто сколько-нибудь долго сопротивляться вторжению германских войск.

Дальнейший ход событий, многие факты и документы показывают, что британский премьер-министр искренне стремился устранить враждебность во взаимоотношениях Великобритании и СССР и даже восстановить широкие и полноценные торговые связи между обеими странами, но делал он это не ради создания между ними политического и военного союза Великобритании и СССР, а лишь для того, чтобы оторвать Советский Союз от Германии, вызвать

⁵² Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2. С. 78.

⁵³ Черчилль У.С. Вторая мировая война. Том 2. С. 72.

вражду между этими державами, столкнуть их если не в войне, то в остром политическом конфликте.

Для достижения этой цели Черчиллю прежде всего требовался политик, способный побудить советских руководителей к регулярному обсуждению с послом Великобритании различных проблем в советско-британских отношениях с целью выработки таких решений, которые устраивали бы обе стороны. «Мы сочли целесообразным использовать способности сэра Стаффорда Криппса, который и был назначен послом в Москву. Он охотно принял эту тяжелую и неблагодарную задачу»⁵⁴, — сообщил Черчилль в своих мемуарах.

Данный выбор не был неожиданным. Стаффорд Криппс еще весной 1939 года проявил себя как сторонник создания союза Англии, Франции и СССР для борьбы с нацистской Германией и критиковал тогдашнего премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена за неспособность договориться с советским руководством. «Я убежден, — писал он 24 марта 1939 года в газете «Трибуна (Tribune)», — что у наших реакционеров отсутствует искреннее желание заключить взаимное соглашение с Россией, у них есть лишь желание использовать Россию для своих собственных целей так, чтобы, поссорив Россию с Германией, они могли спасти собственные шкуры»⁵⁵.

Реакция Стаффорда Криппса на заключенный 23 августа 1939 года советско-германский договор о ненападении также весьма отличалась от того негативного отношения к нему, которое продемонстрировало британское правительство. Он назвал этот договор вполне понятным с точки зрения реальной политики, которую Россия стала проводить в последние месяцы⁵⁶.

16 сентября 1939 года Криппс написал министру иностранных дел Галифаксу письмо, в котором кратко изложил свой план «привлечения Советской России на сторону союзников и предотвращения этим установления еще более тесных отношений между Советами и нацистами». Два дня спустя он дополнил данный план меморандумом, в котором предложил установить контакт с советскими представителями «под видом торговых переговоров

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «I am convinced, that our reactionaries have no genuine desire to enter into a reciprocal agreement with Russia, but rather a wish to use Russia for their own purposes so that by embroiling Russia with Germany they may save their own skins» (Цит. по: *Hanak H. Sir Stafford Cripps as British Ambassador in Moscow May 1940 to June 1941 // The English Historical Review. 1979. Vol. 94. Issue 370. P. 51*).

⁵⁶ Об этом см.: *Clark P. Cripps version. Life of Sir Stafford Cripps, 1889-1952. London, 2002. P. 106*.

(under the guise of trade talks) в Лондоне и затем, если они окажутся вполне содержательными, продолжить их в Москве⁵⁷. В своем ответе 22 сентября 1939 года Галифакс одобрил этот план.

4 октября 1939 года Криппс записал в своем дневнике, что его направление в Россию Уинстон Черчилль посчитал хорошей идеей, но только не в ранге посла⁵⁸.

16 октября 1939 года министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс пригласил к себе посла СССР И. М. Майского, чтобы сообщить ему, что «британское правительство хотело бы улучшить англо-советские отношения, несколько пострадавшие в результате событий последних недель, что оно готово обсуждать различные методы для достижения этой цели, но что, по его мнению, пожалуй, самым лучшим началом в указанном направлении были бы переговоры по вопросам торговли»⁵⁹.

План Стаффорда Криппса начал осуществляться. Однако вступление советских войск в Финляндию приостановило всякие переговоры о торговых отношениях Великобритании и СССР.

15 февраля 1940 года Стаффорд Криппс, летевший из Китая в Англию, приземлился в Москве для беседы с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым и выяснения причин, помешавших торговому сближению между Великобританией и Советским Союзом. Эта встреча состоялась 16 февраля. Отвечая на вопрос Криппса о том, почему не состоялись переговоры о торговом соглашении в октябре и ноябре 1939 года, Молотов сказал, что СССР «на каждом шагу чувствовал недружелюбное, а зачастую и прямо враждебное отношение Англии к Союзу, проявлявшееся во многих актах в разных странах»⁶⁰ и привел многочисленные примеры для иллюстрации сказанного, заключив, что недоброжелательное отношение Британского правительства не способствует торговым переговорам. «Надо отметить, — добавил здесь Молотов, — что за весь этот период времени Советский Союз не проводит никакой враждебной

⁵⁷ Hanak H. Sir Stafford Cripps as British Ambassador in Moscow May 1940 to June 1941. P. 53.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в народный комиссариат иностранных дел СССР. 16 октября 1939 г. // Документы внешней политики. 1939. Т. 22: В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 190.

⁶⁰ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с членом Палаты общин парламента Великобритании Р. Стаффордом Криппсом. 16 февраля 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1. Январь — октябрь 1940. М., 1995. С. 91.

политики, тогда как уже в самое последнее время союзник Англии – Франция организовала полицейский налет на торгпредство в Париже»⁶¹.

В дальнейшем разговоре нарком иностранных дел СССР заверил Криппса, что «Советский Союз не отказывался от развития торговых дел с Англией», однако английским правительством создана обстановка, неблагоприятная не только для политических, но и для торговых переговоров. Молотов рассказал, что конфликт СССР с Финляндией возник по вине именно Великобритании. Советское руководство не посягало на суверенитет Финляндии. Финнам было предложено отодвинуть границу от Ленинграда и Финского залива в обмен на территории, но руководители Финляндии отказались от выгодного обмена, оказавшись под влиянием британского правительства. «Если бы Англия не настраивала финнов против СССР, – пояснил Молотов Криппсу, – то мы договорились бы с ними⁶², но из-за указанных внешних воздействий они не согласились на наши предложения, не затрагивавшие суверенитета Финляндии и вместе с тем компенсировавшие их территориальные уступки, необходимые Советскому Союзу для обеспечения безопасности Ленинграда и Финского залива, территориями за счет СССР в увеличенном вдвое размере. При такой враждебной политике Англии в отношении Союза, как можно было рассчитывать на успех торговых переговоров»⁶³.

Криппс в ответ возразил, что британское правительство в целом не питает враждебности к СССР, но, «возможно, были личные выступления отдельных членов правительства против СССР»⁶⁴. Тогда Молотов сказал: «Хотя Английское правительство отрицало факты недружелюбного отношения к Союзу, но факты остаются фактами. На протяжении последних месяцев мы сталкиваемся с недоброжелательным и прямо враждебным к СССР отношением Англии на каждом шагу: то разрыв прежних торговых соглашений и прекращение выполнения советских заказов, то задержание советских пароходов с товарами

⁶¹ Там же. С. 91.

⁶² Удивительно, как повторилась подобная ситуация два года назад на Украине, когда было достигнуто предварительное соглашение между представителями президентов Украины и России о прекращении военных действий и мирном разрешении территориальных споров. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон, узнав об этом, прилетел в Киев и отговорил президента Украины от подписания данного соглашения с Россией. И провокация британского правительства опять привела к жестокой войне с многочисленными жертвами. Впрочем, подобные акты характерны для английской внешней политики с давних времен.

⁶³ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с членом Палаты общин парламента Великобритании Р. Стаффордом Криппсом. 16 февраля 1940 г. С. 92.

⁶⁴ Там же.

для СССР в разных странах, на Дальнем Востоке и в Эгейском море, то поджигание прибалтов и Финляндии против СССР и т. д.»⁶⁵.

В конце разговора Криппс обещал, что «если он будет в правительстве, он сделает все возможное для установления дружественных отношений»⁶⁶.

По прибытию в Лондон Криппс встретился с лордом Галифаксом. Сообщив ему сказанное Молотовым, он счел необходимым констатировать: «Я нисколько не сомневаюсь, что в настоящий момент существует возможность сделать что-то, чтобы отдалить Россию от Германии, и что через несколько месяцев или недель этой возможности может уже не быть»⁶⁷ (выделено мной. — В.Т.).

* * *

Вечером 20 мая 1940 года лорд Галифакс на личной встрече с послом СССР в Великобритании И. М. Майским сообщил, что Кабинет министров «пришел к выводу о нецелесообразности ведения торговых переговоров путем обмена нотами и меморандумами» и соответственно решил, что «переговоры будут успешнее, если какой-либо крупный политический деятель Англии поедет в Москву и путем непосредственного контакта с руководителями СССР выяснит на месте возможности улучшения англо-советских отношений вообще и заключения торгового соглашения в частности»⁶⁸. «Если Советское правительство не имеет возражений, — сказал далее Галифакс, — он направит в Москву Стаффорда Криппса в качестве “специального уполномоченного”, который проведет там некоторое время и постарается разрешить поставленные перед ним задачи»⁶⁹. Министр иностранных дел Великобритании попросил советского посла сообщить об этом в Москву и в самый краткий срок получить ответ.

28 мая Советское правительство ответило через посла Майского Британскому правительству, что оно может принять нового английского посла

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 94.

⁶⁷ «I have no doubt whatever that there is at the moment [the] opportunity of doing something to draw Russia away from Germany and that this opportunity may not still exist in a few months or weeks time» (Цит. по: *Carley M.J.* 1939. *The Alliance That Never Was and the Coming of World War II*. London, 1999. P. 247.

⁶⁸ Беседа полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом. 20 мая 1940 г. // *Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941*. Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1. Январь — октябрь 1940. М., 1995. С. 275.

⁶⁹ Там же.

в Москве на обычных условиях и в том же качестве, в котором состоял прежний посол Сиидс, без оговорки о какой-то «специальной миссии».

31 мая поверенный в делах Великобритании Ле Ружетель прибыл на прием к наркому иностранных дел СССР Молотову и предпринял попытку убедить его, что Криппс назначается послом со специальной миссией потому, что является членом парламента и по английским законам его обычным послом назначить нельзя, и кроме того, титул не влияет на функции посла. Но советский нарком настоял на своем, сказав твердо: «Советское правительство не может принять посла с оговоркой о “специальной миссии” и готово принять в качестве обычного посла любое другое лицо, если Криппса нельзя послать без оговорки о “специальной миссии”»⁷⁰. Молотов дважды сказал поверенному в делах Великобритании, что «назначение любого лица в качестве посла в Москву является делом Английского правительства. Советское правительство не считает необходимым иметь в Москве “левого” или “правого” английского деятеля, а согласно на любую кандидатуру, выражающую действительное мнение Английского правительства»⁷¹.

На этот раз в британском правительстве не стали прибегать к юридическим ухищрениям и дали Криппсу звание посла вообще, без «специальной миссии». Уинстон Черчилль был заинтересован в том, чтобы именно Стаффорд Криппс являлся полномочным представителем Великобритании в СССР.

12 июня 1940 года Криппс прибыл в Москву. На процедуре вручения верительных грамот послов Председателю Президиума Верховного Совета М. И. Калинину, состоявшейся через десять дней, новый британский посол представил вместо подлинной верительной грамоты ее телеграфную копию. Все это свидетельствовало, что Криппс прибыл в Москву не как обычный посол.

* * *

20 сентября 1940 года состоялась вторая встреча А. Я. Вышинского и Стаффорда Криппса. Отчет о первой беседе с послом Великобритании, проходившей шестью днями ранее — 14 сентября, первый заместитель наркома иностранных дел СССР направил Молотову, Деканозову и в генеральный

⁷⁰ Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полномочному представителю СССР в Великобритании И.М. Майскому. 1 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1. Январь — октябрь 1940. М., 1995. С. 306–307.

⁷¹ Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с поверенным в делах Великобритании в СССР Д. Ле Ружетелем. 31 мая 1940 г. // Там же. С. 393.

секретариат. Отчет о новом разговоре с ним Андрей Януарьевич разослал Молотову, Деканозову, Лозовскому, Микояну, Берия и в генеральный секретариат ЦК ВКП (б).

Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия и нарком внешней торговли А. И. Микоян появились в этом списке неслучайно. В начале беседы, состоявшейся 20 сентября, Криппс сообщил Вышинскому о трех попытках неизвестных лиц склонить британских подданных к работе на советскую разведку, а в дальнейшем ходе разговора сказал, что для Британского правительства не представляют интереса небольшие торговые сделки, предлагавшиеся Микояном, оно «заинтересовано в широком договоре, и ему непонятно, почему советское правительство не хочет открыть торговые переговоры»⁷². В конце беседы посол Великобритании попросил Вышинского о новой встрече с ним и одновременно с Микояном, чтобы таким образом «решить его (Криппса. — В.Т.) судьбу»⁷³.

Криппс начал дипломатическую игру, пытаясь для начала внушить советскому руководству, что главной целью его пребывания в Москве является заключение торгового соглашения Великобритании с Советским Союзом. Британский посол, по всей видимости, так и не понял, почему вести с ним переговоры было поручено Андрею Януарьевичу Вышинскому.

3

9 октября 1940 года А. Я. Вышинский вызвал к себе посла Великобритании Стаффорда Криппса и вручил ему ноту советского правительства с требованием разблокировать банковские счета эстонских и латвийских пароходов, «незаконно задержанных английским правительством в портах Британии»⁷⁴. Разговор, который после этого состоялся у первого заместителя наркома иностранных дел СССР с послом Великобритании, занял полтора часа и лишь приоткрыл завесу тайны над истинными планами правительств обеих стран.

⁷² Беседа первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 20 сентября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940—22 июня 1941 Т. 23. В 2-х кн. Кн. 1 Январь—октябрь 1940 М., 1995. С. 613.

⁷³ Там же. С. 614.

⁷⁴ Из дневника А.Я. Вышинского. Прием британского посла Криппса. 9 октября 1940 г. // СССР и Литва в годы второй мировой войны. Т. 2. Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940-сентябрь 1945 гг.): Сборник документов. Вильнюс, 2012. С. 255.

Криппс не ожидал ноты протеста и был смущен, но быстро пришел в себя и обещал Вышинскому, что доведет эту ноту до сведения своего правительства. Но, будучи юристом по основной профессии, британский посол не удержался от замечания, что «по существующему международному праву воюющее государство имеет право на время войны задерживать в своих портах суда нейтральных стран с последующей оплатой тайм-чартера или оплатой стоимости всего судна, если оно будет потоплено»⁷⁵. Еще он сказал, что «что вопрос о пароходах связан с вопросом о прибалтийском золоте, и едва ли британское правительство будет решать эти вопросы отдельно»⁷⁶.

Вышинский не стал спорить о правильности трактовки британским правительством вопроса о праве задерживать у себя суда нейтральных стран, а лишь заметил, что действия британского правительства, по указанию которого задерживаются советские пароходы и блокированы счета Прибалтийских государств, незаконны, поэтому британское правительство несет ответственность за возникающие вследствие них убытки.

Криппс в ответ сообщил, что получил от своего правительства указания сделать советскому правительству официальное предложение «отложить на 6 месяцев рассмотрение спорных прибалтийских вопросов и открыть торговые переговоры»⁷⁷, но небольшая торговая сделка британское правительство удовлетворить не может, так как она не приведет к устранению враждебности между СССР и Англией.

Вышинский возразил, что не видит оснований «говорить о какой-то враждебности отношений между СССР и Англией. Если же имеется ряд нерешенных вопросов, то это не по вине СССР»⁷⁸. Советское правительство не отказывается, — подчеркнул он, — от торговли с Англией, это дело НКВТ (НКВТ — наркомат внешней торговли. — В.Т.).

Криппс сказал на это, что «обсуждение частных торговых вопросов с НКВТ не даст удовлетворительных результатов, что частные торговые сделки — это только “торгашество” ... Для действительного улучшения отношений между СССР и Англией необходимо вести не частные сделки, а открыть торговые переговоры»⁷⁹.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 256.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

Вышинский заверил Криппса, что СССР не отказывался и не отказывается от торговли с Великобританией и, что на его взгляд, правильнее говорить о конкретных предложениях британского правительства по этому вопросу. Криппс ответил, что согласен на любой порядок ведения переговоров, лишь бы они способствовали улучшению отношений.

После этого британский посол сообщил Вышинскому о проблемах, с которыми сталкиваются в Москве британские подданные и попросил их разрешить. Вышинский обещал выяснить, что произошло, и на этом очередная их встреча завершилась.

Вопрос об арестованном золоте и задержанных британским правительством пароходах прибалтийских стран, вошедших в состав СССР, только на первый взгляд казался мелким, в действительности же он составлял одну из важнейших проблем в тогдашних советско-британских отношениях того периода. Это хорошо понимали и в Москве, и в Лондоне.

Данный вопрос 20 сентября 1940 года был затронут в беседе близкого друга Уинстона Черчилля, бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойда Джорджа и послом СССР И.М. Майским. Иван Михайлович отразил в своем дневнике мнение опытного британского политика по этому поводу: «Старик возмущался позицией брит[анского] пра[вительства] в прибалтийском вопросе. В такой момент сквалыжничать из-за каких-то 4-5 мил. фунтов и мешать сближению с величайшей военной державой! Настоящее безумие! Ллойд Джордж считает, что ключ к исходу войны лежит в руках СССР. Он даже вспомнил Наполеона. Кто его погубил? Не Испания, не Англия, не Германия. Его погубила Москва! Без России Европа была бы бессильна против корсиканца. Не иначе и сейчас. Без России Европа бессильна против Гитлера. Одна Англия или даже Англия вместе с США (Соединенными Американскими Штатами. — В.Т.) не смогут победить Германию. Поэтому нужна Россия. А Галифакс делает все возможное для того, чтобы помешать сближению с Россией»⁸⁰.

Вряд ли бывший премьер-министр Великобритании не знал подлинных причин ареста имущества прибалтийских стран и не догадывался, почему советское правительство настойчиво добивалось возвращения его в СССР. Британское правительство не признало вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза. А факт возврата принадлежавших Прибалтийским

⁸⁰ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934 - 1943: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1: 4 сентября 1939 - 21 июня 1941 года. М., 2009. С. 265.

странам золота и пароходов сам по себе, без какого-либо специального заявления, означал бы юридическое признание Великобританией их нового статуса как союзных республик в составе СССР. Не случайно данным вопросом было поручено заниматься именно Вышинскому: это был тот случай, когда внешнеполитический по форме конфликт скрывал весьма значимое для двух государств юридическое содержание.

Но почему британское правительство, стремясь установить с СССР постоянные торговые отношения и тем самым способствовать разрыву его отношений с Германией, предпринимало действия, которые препятствовали решению данной цели и, более того, сознательно шло на обострение конфликта по поводу задержанных пароходов?

16 октября И. М. Майскому стало известно о том, что британское правительство приняло решение о реквизиции эстонских и латвийских пароходов, задержанных в портах Великобритании. После выяснения обстоятельств произошедшего советский посол направил в Москву зашифрованную телеграмму» лично Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну и Вышинскому с пометкой «немедленно»⁸¹. Майский сообщил: «Вчера торговое представительство получило сведения, что ряду капитанов (пока нам известно о 10 капитанах) эстонских и латвийских судов, стоящих в английских портах, министерством судоходства 14 октября были вручены уведомления о реквизиции названных судов для нужд британского правительства на основании “Закона об исключительных полномочиях 1939 года”. Я сразу же позвонил по телефону Батлеру⁸² и спросил его, что⁸³ верно ли что британское правительство решило реквизировать эти суда? Батлер был изумлен или сделал вид, что изумлен моим запросом, и заявил, что ему ничего неизвестно по данному поводу, но что он наведет справки и через несколько часов мне позвонит. К вечеру раздался звонок от секретаря Батлера, который просил товарища Коржа⁸⁴ заехать на следующий день в Форейн-оффис к заместителю заведующему Северным департаментом Маклину⁸⁵ (был в свое время вторым

⁸¹ Текст телеграммы был датирован 17 октября 1940 г., а временем ее отправления было указано 11 часов 40 минут 18 октября.

⁸² Имеется в виду Ричард Батлер, заместитель руководителя британского Иностранного ведомства (Foreign Office), исполняющего функции министерства иностранных дел.

⁸³ Так в оригинале. — В.Т.

⁸⁴ Имеется в виду первый секретарь посольства СССР в Великобритании в 1937–1942 гг. Михаил Васильевич Корж.

⁸⁵ Имеется в виду Фицрой Ройл Хью Маклин.

секретарем [британского посольства] в Москве). В разговоре с товарищем Коржем Маклин сегодня подтвердил, что балтийские суда действительно реквизированы... Товарищ Корж ответил, что британское правительство не имело права распоряжаться собственностью СССР, на что Маклин с усмешкой сделал замечание ему: “Еще неизвестно, чья собственность эти пароходы”. К сказанному Маклин прибавил, что Криппсу послана инструкция довести до сведения Советского правительства о реквизиции судов»⁸⁶. Свою телеграмму руководителям Советского государства И.М. Майский завершил словами: «Этот новый антисоветский акт британского правительства бросает своеобразный свет на слова Батлера о намерении Форейн-оффис поскорее урегулировать “мелкие вопросы” в антисоветских отношениях, сказанные мне около недели назад»⁸⁷.

17 октября Стаффорд Криппс снова пришел на прием к Вышинскому. В отчете о встрече с британским послом Андрей Януарьевич написал: «Криппс от имени Британского правительства сделал предложение, чтобы между Англией и СССР было заключено соглашение об оплате прибалтийских пароходов, временно реквизируемых английским правительством. Криппс сказал, что Британское правительство принимает на себя все могущие произойти убытки, причем он считал бы более целесообразным вести эти переговоры в Лондоне»⁸⁸. На вопрос же, как обстоит дело с ответом на врученную британскому послу 9 октября «ноту о разблокировании счетов эстонских и латвийских пароходов», британский посол ответил, что «он в тот же день дал телеграмму, но ответа еще не имеет»⁸⁹.

Помимо вопроса о прибалтийских пароходах Вышинский и Криппс обсуждали на этой встрече также тему платы за проезд из Риги во Владивосток возвращавшихся в Великобританию британских подданных. Кроме того, Криппс сообщил первому Вышинскому, что британское правительство предоставило своему посланнику в Румынии право решать вопрос о разрыве

⁸⁶ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о решении британского правительства реквизировать эстонские и латвийские суда, стоявшие в английский портах. 17 октября 1940 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2236. Л. 287–288.

⁸⁷ Там же. Л. 288.

⁸⁸ Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 17 октября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940. М., 1995. С. 674–675.

⁸⁹ Там же. С. 676.

отношений Великобритании с Румынией. Но главным вопросом этой встречи Криппса с первым заместителем наркома иностранных дел СССР, как и прежде, касался улучшения советско-британских отношений.

18 октября Вышинский направил послу СССР в Великобритании телеграмму о результатах очередной своей беседы с Криппсом и среди прочего сообщил: «В настоящее время еще неопределенно, но все же наметился сдвиг в торговых отношениях между Англией и СССР. Тов. Микоян и я предупредили Криппса не создавать пустой шумихи вокруг этого дела»⁹⁰.

В тот же день из Лондона в Москву послом СССР И.М. Майским в Наркомат иностранных дел была направлена телеграмма с пометкой «немедленно». Сведения, которые она содержала действительно были чрезвычайно важными. «Из хорошего источника мне сообщают, — писал Майский, — что Криппсу посланы инструкции предложить СССР следующие комбинации: 1. Британское правительство признает де факто происшедшие в Прибалтике перемены (что это должно означать конкретно, не совсем ясно). 2. Британское правительство обеспечивает СССР беспрепятственное снабжение цветными металлами. За это СССР в виде компенсации гарантирует: 1) продолжение помощи Китаю, включая соглашение между СССР, США и Китаем о прекращении продажи Японии военного сырья и военных материалов, 2) помощь Турции в “испанской форме” (то есть по типу “невмешательства”) в случае, если Турция подвергнется нападению, 3) прекращение поддержки революционной пропаганды в Британской империи, и в особенности в Англии. Хотя некоторые пункты этой схемы звучат как-то странно, вызывая сомнения в ее аутентичности, тем не менее на всякий случай сообщаю ее Вам, поскольку данные сведения пришли ко мне из обычно вполне достоверного источника»⁹¹.

Как впоследствии выяснилось, «хорошим источником» для Майского был мистер Хью Долтон, лейборист, член парламента Великобритании, а в то время еще и министр экономической войны»

22 октября состоялась самая важная, пожалуй, в 1940 года встреча Криппса с Вышинским. Британский посол сообщил, что принес с собой предложения британского правительства, которые хотел сначала передать Молотову, однако

⁹⁰ Телеграмма первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского полномочному представителю СССР в Великобритании И.М. Майскому. 18 октября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 690.

⁹¹ Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 18 октября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 691.

ему сказали, что нарком не может его принять. Поэтому Криппс вручил их текст Вышинскому, заметив, что он переведен на русский язык с официального заявления британского правительства. Андрей Януарьевич обещал, что внимательно изучит данный документ и передаст все Молотову.

Согласно отчету Вышинского об этой встрече с Криппсом, британский посол далее сказал, что среди дипломатического корпуса распространены слухи о заключении между Советским Союзом и Японией соглашения, которое отразится на помощи СССР Китаю. В результате этого Китай прекратит свою борьбу против Японии, вследствие чего «Япония может освободить свои силы на востоке и мобилизовать 200 миллионов китайцев против Англии»⁹². Криппс задал вопрос, соответствуют ли эти слухи действительности.

Вышинский ответил, что не всякому слуху можно верить и перевел разговор на тему советских пароходов, задержанных Великобританией. Он сказал Криппсу, что прошлое его заявление от имени британского правительства противоречит действиям британского правительства, так как по приказу министерства судоходства ряд пароходов реквизирован. Криппс ответил, что «никакого противоречия нет, что это только недоразумение» и что это он «в интересах СССР посоветовал британскому правительству реквизировать прибалтийские пароходы, так как в таком случае, согласно английским законам, СССР может получить за эти пароходы возмещение»⁹³.

Вышинский на эту попытку британского посла оправдаться ответил, что избранный им «путь содействия СССР в вопросе о пароходах довольно оригинален», и «было бы проще пойти другим путем – вернуть принадлежащие СССР пароходы»⁹⁴.

Полученный от Криппса текст предложений британского правительства Вышинский немедленно передал Молотову. Эти предложения были весьма необычны, но, кажется, именно их необычность и насторожила первого заместителя наркома иностранных дел, привыкшего на посту прокурора СССР не доверять никаким вообще добрым намерениям.

В самом деле, правительство страны, которая находилось в состоянии тяжелейшей войны с Германией и была неспособна выдержать это испытание

⁹² Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом. 22 октября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 701.

⁹³ Там же. С. 702.

⁹⁴ Там же.

без помощи других держав, заявляло в своем меморандуме советскому правительству: «Нельзя считать неестественным, что Великобританское правительство, будучи твердо уверенным в своей победе, желает выяснить степень благожелательности или враждебности, с которой обращаются с ним великие нейтральные державы, с тем чтобы оно могло выказать свою признательность по окончании войны тем, которые содействовали его делу тем или иным путем, и просить участвовать активно в задаче восстановления порядка, которая тогда будет стоять на очереди»⁹⁵.

Далее в этом документе, переданном Криппсом Вышинскому, говорилось: «Великобританское правительство вполне сознает, что теперь не время просить СССР увеличить имеющиеся для него опасности тем, что будет объявлено открыто о повороте в политике, и у великобританского правительства отнюдь нет таких намерений. Оно считает, что более ясное понимание отношения каждой из стран к другой, не только для настоящего времени, но и для будущего, будь таковое установлено, должно остаться пока конфиденциальным и неразглашенным. Оно желает сделать полное и откровенное предложение сотрудничества в будущем в течение созидательного периода, который должен последовать за войной, каковое предложение должно неизбежно повлечь за собой внесение со стороны СССР некоторой доли в смысле оказания помощи интересам Англии и ее друзей во время теперешнего чрезвычайно трудного периода. Когда теперешние трудности будут превзойдены, это содействие, конечно, будет иметь значительно меньшую ценность»⁹⁶.

Что означало такое предложение, помимо создания весьма опасной для СССР ситуации на внешнеполитической арене? Британское правительство предлагало советскому руководству скрытно от всех изменить политику нейтралитета, закрепленную договором о ненападении с Германией, на политику поддержки Великобритании в войне с Германией. Взамен этого британское правительство обещало взять на себя выполнение по отношению к СССР после победы в войне с Германией пяти обязательств. Правда, и Советский Союз должен был в этом случае пойти на уступки Великобритании, выраженные в четырех обязательствах.

Британское правительство предлагало Советскому государству взять на себя обязательства по отношению не только к Великобритании, но

⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 703.

⁹⁶ Там же. С. 704

относительно ее союзников – Ирана и Турции. Советское руководство должно было относиться к британскому правительству «с проявлением в полной мере такого же благожелательного нейтралитета, какой в настоящее время соблюдается по отношению к Турции»⁹⁷, «поддерживать по отношению к Турции и Ирану «благожелательный нейтралитет» и при нападении на них одной или двух держав «оси» (т.е. Германии и Италии) оказывать им «в их обороне содействие такими мерами, в пределах технического нейтралитета, какие Советское правительство проводило поныне относительно Китая»; продолжать оказывать помощь и поддержку Китайскому правительству «против японской агрессии, а также воздержаться от вступления в какое-либо соглашение с Японией, которое лишило бы его возможности продолжать оказание такого содействия Китаю или которое поощрило бы Японию приступить к агрессивным действиям по отношению к каким-либо британским владениям»⁹⁸; в случае, если торговое или товарообменное соглашение с Великобританией «не вызовет опасной реакции со стороны держав оси или Японии»⁹⁹, заключить с британским правительством пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР.

Британское правительство обещало в случае победоносного завершения войны: 1) консультироваться в полной мере с Советским правительством наравне с другими державами, оказавшими Великобритании содействие или прямой военной помощью, или соблюдением благожелательного нейтралитета, относительно послевоенного устройства в Европе и Азии; 2) «не организовывать или не вступать в какой либо союз, направленный против Советского Союза, поскольку Советское правительство со своей стороны готово воздержаться от какого-либо враждебного действия, направленного против Великобританского правительства, будь это непосредственно или косвенно, посредством внутренней пропаганды»; 3) признать *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством»¹⁰⁰; 4) «поставлять Советскому правительству, на основании общего торгового или товарообменного договора, поскольку сделают это возможным собственные потребности Великобританского правительства или

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 705.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

предшествующие обязательства по отношению к третьим странам, имеющиеся на лицо товары или оказать содействие в лице экспертов в зависимости от того, потребуется ли то или другое Советскому правительству в целях защиты СССР на случай будущего нападения со стороны его соседей»¹⁰¹; 5) «гарантировать, что не будет произведена атака на территорию Советского Союза со стороны Турции или Ирана этими странами или их существующими или будущими союзниками»¹⁰².

Приведенные формулировки показывают, что составители данных предложений не слишком заботились о том, чтобы их смысл был понятен. Обязательство же британского правительства признать *de facto* власть СССР на территории вошедших в его состав прибалтийских республик было даже смешным: если указанные республики уже находились в составе Советского Союза, то зачем советскому правительству нужно было признание данного факта британским правительством?

В исторической литературе преобладает явно преувеличенная оценка внешней политики Великобритании во время Второй мировой войны, особенно ее мудрости по отношению к Советскому Союзу.

6 ноября 1940 года Вышинский направил послу Майскому короткую шифрованную телеграмму: «22 октября Криппс в устной форме действительно сделал заявление, аналогичное тому, что Вам сообщил Долтон. Это заявление [в] настоящее время находится [в] стадии изучения. [В] ближайшие два-три дня Вам будет послано подробное сообщение»¹⁰³.

Неудивительно, что 11 ноября 1940 года на приеме у Вышинского Криппс услышал слова, которые у любого умного дипломата должны были вызвать глубокое и стойкое чувство стыда за свою страну. Прежде всего Андрей Януарьевич сообщил британскому послу, что «по поручению правительства изучал предложения от 22 октября»¹⁰⁴ и имеет по этому вопросу свое личное мнение, однако решения правительства еще нет. Британский посол выразил готовность выслушать собственные выводы Вышинского, и тогда тот сказал: «Должен прямо заявить, что лично я не понимаю, чего хочет Англия, так как в

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Шифртелеграмма первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому. 6 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 95.

¹⁰⁴ Прием посла Великобритании С. Криппса. 11 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 4. Д. 30. Л. 45.

своем заявлении Англия говорит о таких предложениях, которые дают меньше того, что мы в настоящее время имеем. Неужели английское правительство не понимает, что представляют собой эти предложения? В предложениях, например, говорится о пакте о ненападении, предполагаемом в какой-то отдаленной перспективе, да и то со всякими оговорками. В предложениях говорится о советской пропаганде в Великобритании, но известно, что мы никогда не занимались такой пропагандой. Это указание на советскую пропаганду напоминает керзоновские времена. Я буквально поражен, как могло правительство Великобритании делать СССР такие предложения, особенно когда Англия находится в осаде»¹⁰⁵.

Напрашиваясь на эту встречу, британский посол знал, что 12 ноября 1940 года начнется визит в Германию В. М. Молотова и многочисленной советской делегации, включавшей 32 специалиста. Криппс в резких тонах выразил свое возмущение тем, что советское правительство не дало ответа на предложения британского правительства до этого визита, и потребовал, чтобы ему ответили на два вопроса: «1. Следует ли понимать так, что советское правительство отклонило предложение британского правительства от 22 октября? 2. Прав ли он будет, если сообщит своему правительству, что поездка В.М. Молотова в Берлин означает нежелание советского правительства улучшить свои отношения с правительством Великобритании?». При этом Криппс пояснил, что если он не получит от Вышинского иных сведений, то «он будет считать, что это так»¹⁰⁶.

Британский посол распался все больше и в какой-то момент едва не закричал: «Я должен заявить откровенно, с негодованием...», но Вышинский прервал его, сказав, что не намерен выслушивать заявления о каком-то негодовании. Криппс настаивал на том, что должен откровенно высказать свои взгляды. На это Вышинский ответил: «Дело посла высказываться откровенно или нет, но откровенность не есть резкость и грубость, выслушивать которые я не намерен и не буду»¹⁰⁷.

После этого британский посол продолжил предъявлять претензии к советской внешней политике, но уже в более спокойном тоне. Завершил он свою гневную речь жестким утверждением о том, что «считает бесполезным прилагать какие бы то ни было новые усилия к улучшению отношений между

¹⁰⁵ Там же. Л. 46.

¹⁰⁶ Там же. Л. 41–42.

¹⁰⁷ Там же. Л. 41.

СССР и Англией и полагает необходимым довести до сведения правительства Великобритании свой взгляд на поездку В.М. Молотова в Берлин»¹⁰⁸.

Вышинский отверг обвинения Криппса и в свою очередь сказал, что советское правительство до сих пор ждет ответа на свою ноту от 9 октября. На это Криппс заметил, что вопрос о возвращении прибалтийских пароходов и разблокировании счетов эстонских и латвийских судовладельцев является второстепенным, решение которого едва ли возможно до разрешения основного вопроса о соглашении между Англией и СССР»¹⁰⁹.

Криппс, вероятно, и сам не понял, что выдал тайну английской внешней политики, ее главную суть: не договариваться о взаимовыгодных условиях с другим государством, а навязывать любыми способами то, что выгодно одной Англии. Арест золота и пароходов, принадлежавших прибалтийским республикам, вошедшим в состав СССР, понадобился британскому правительству, чтобы принудить советское правительство к уступкам.

* * *

Утром 16 ноября 1940 года радиостанция Би-Би-Си (ВВС) сообщила слушателям о предложениях британского правительства, переданных первому заместителю наркома иностранных дел Вышинскому британским послом 22 октября. В тот же день Криппс направил в наркомат иностранных дел СССР ноту протеста, обвиняющую советское представительство в Великобритании в разглашении сведений об этих предложениях, которые по договоренности должны были оставаться в тайне. По версии, приведенной в ноте, один американский журналист получил полную информацию о британских предложениях Советскому Союзу непосредственно из посольства СССР в Лондоне и предал их огласке. «Я весьма сожалею, — выговаривал Криппс советским дипломатам, — что ваше посольство в Лондоне совершило это нежелательное для правительства его величества разглашение. Как вы могли судить по форме врученных мною вам предложений, правительство его величества полностью сознавало необходимость сохранения их в секрете и избежания того, чтобы они попали в руки любого недружественного государства»¹¹⁰.

¹⁰⁸ Там же. Л. 43.

¹⁰⁹ Там же. Л. 44.

¹¹⁰ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934 –1943. Кн. 2. Ч. 1. 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 года. М., 2009. С. 299.

Посол СССР в Великобритании И. М. Майский в течение двух дней выяснял, что в действительности произошло. 18 ноября 1940 года он известил телеграммой из Лондона наркомат иностранных дел СССР о том, кто на самом деле разгласил сведения о предложениях британского правительства. «Дело, как я и предполагал, — сообщил он, — началось с того, что с момента, когда стало известно о намерении т. Молотова ехать в Берлин (то есть с 10 ноября)... С утра 12 ноября чиновники Форин оффиса (особенно из отдела прессы) стали “не для печати” рассказывать на ушко дипломатическим корреспондентам важнейших английских газет подробности о предложениях 22 октября, о том, что Криппс не мог передать их т. Молотову, а передал т. Вышинскому и что т. Молотов уехал в Берлин, не дав ответа на английские предложения... Я проверил еще раз и могу с полной категоричностью заявить, что американский корреспондент, впервые опубликовавший сущность английских предложений, получил о них информацию от чиновников Форин-оффиса 13-го вечером и 14-го утром. Две его телеграммы на эту тему были пропущены английской цензурой, то есть опять-таки Форин-оффисом (по вопросам дипломатическим цензура руководствуется указаниями Форин-оффиса). Если бы в намерения британского правительства действительно не входило опубликование предложений 22 октября, оно легко могло бы это предупредить, не пропустив названные телеграммы через цензуру... А 15-го около 5 часов дня сообщение о сущности предложений было сделано уже официально отделом печати Форин-оффиса на конференции английских и иностранных журналистов. Вечером в тот же день о предложениях было объявлено по лондонскому радио»¹¹¹.

Из фактов, установленных советским послом Майским, вытекало, что «секретные» предложения британского правительства советским руководителям имели одну цель — создать для Германии повод для разрыва договора о ненападении с Советским Союзом. Именно поэтому эти предложения были составлены чрезвычайно неряшливо, небрежно — британское правительство изначально не собиралось превращать их в договор и брать на себя даже те неопределенные обязанности, которые само для себя сочинило.

И. М. Майский, советский представитель в Великобритании, внимательно наблюдал за происходившими в британском правящем слое событиями. В своем

¹¹¹ Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 18 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. С. 93–94.

донесении в наркомат иностранных дел СССР, датированном 3 ноября 1940 г., он писал: «Таким образом, логика вещей все более ставит правящие элементы Великобритании перед дилеммой либо приобретение достаточно могущественных “союзников” (и тогда возможна победа), либо заведомая сделка с Германией и даже с Гитлером. Сейчас вся энергия британского правительства (и лично Черчилля) направлена на отыскание “союзников”. Конкретно стоит вопрос о США. В более отдаленной перспективе (несмотря на все наши опровержения, разъяснения и прочее) правящие и неправящие англичане мечтают также об СССР как о “союзнике”. Отсюда столь явные усилия британских журналистов и политиков “ссорить” нас с Германией и спекулировать на разногласиях между Москвой и Берлином»¹¹².

4

В ноябре и декабре 1940 года внешнеполитическая игра, которую Великобритания, Германия и Советский Союз вели между собой после начала Второй мировой войны, вступила в решающую стадию. Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, как и прежде, был одним из основных участников данной игры.

Главным событием этого периода стал состоявшийся 12 и 13 ноября визит советской делегации в Берлин. Переговоры председателя СНК СССР и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с руководителями Германии направлялись и корректировались Сталиным при помощи и посредничестве Вышинского. Тексты зашифрованных телеграмм Молотова – из Берлина в Москву и Сталина с Вышинским – из Москвы в Берлин, сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, показывают, как это происходило. Переписка отражает особенности советской технологии осуществления геополитических операций накануне Великой Отечественной войны.

Вышинский был в данных операциях не только исполнителем, но и активным участником. Сглаживание противоречий, ослабление конфликтов между крупными державами предполагали решение целого ряда международно-правовых проблем, выработку наиболее оптимальных, отвечавших интересам Советского государства и логике совершавшихся в то время геополитических процессов, юридических формулировок в текстах

¹¹² Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 3 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2. С. 18.

международных соглашений. Многие проекты международно-правовых документов, поправки в них и добавления, формально исходившие от Сталина, фактически были написаны Вышинским. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архивах оригинальные, исходные тексты шифрованных телеграмм, пересылавшихся из Москвы в советское представительство в Берлине.

Переписка Вышинского и Сталина с Молотовым в дни его пребывания в Берлине была довольно интенсивной. Во всех случаях, когда руководитель советской делегации сталкивался с какой-либо проблемой, он сразу обращался к Сталину. Сталин сам или от его имени Вышинский без промедления давали ответы. Но приказы из Москвы поступали Молотову в Берлин и по инициативе Сталина. Чаще всего их тексты составлял Вышинский.

11 ноября 1940 г. Молотов получил непосредственно от Сталина следующее указание: «Если дело дойдет до декларации, то вношу от имени товарищей поправку: предлагаю вычеркнуть пункт об Индии. Мотивы: мы боимся, что контрагенты могут воспринять пункт об Индии как каверзу, имеющую целью разжечь войну. Получение и согласие сообщите»¹¹³. Под контрагентами здесь явно имелась в виду Великобритания, чье колонией была Индия. Ведя переговоры с Германией, Сталин старался воздерживаться от действий, которые могли обострить советско-британские отношения.

12 ноября в 16.00 в Москву на имя Сталина и Вышинского была направлена шифртелеграмма Молотова¹¹⁴, в которой говорилось: «Состоялся первый более чем двухчасовой разговор с Риббентропом. В виду того, что сейчас должен идти

¹¹³ Шифртелеграмма И. В. Сталина полпреду СССР в Берлине А. А. Шкварцеву с указаниями для наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова относительно текста возможной советско-германской декларации. 11 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2315. Л. 1.

¹¹⁴ Текст этой шифртелеграммы Молотов собственноручно написал карандашом на бланке берлинского отеля Больвью (*Schloß Bellevue*). См.: Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова из Берлина И.В. Сталину о беседе с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом о внешнеполитических интересах Германии, Италии, Японии и СССР, пересмотре конвенции Монтре и др. 12 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 7-9.

на беседу с Гитлером¹¹⁵, сообщаю о разговоре с Риббентропом кратко¹¹⁶. Пространно повторив свое письмо к Сталину¹¹⁷, он добавил, что интересы Германии идут в восточную и западную Африку; Италии — в северо-восточную Африку; Японии — на юг, а у СССР также на юг — к Персидскому заливу и Аравийскому морю»¹¹⁸.

В тот же день в 22 часа 50 минут из Москвы в Берлин была передана по телефону шифрованная телеграмма от имени Сталина, составленная и подписанная Вышинским: «В твоей шифровке о беседе с Риббентропом есть одно неточное выражение насчет исчерпания соглашения с Германией за исключением вопроса о Финляндии. Это выражением неточное. Следовало бы сказать, что исчерпан протокол к договору о ненападении, а не соглашение, ибо выражение “исчерпание соглашения” немцы могут понять как исчерпание договора о ненападении, что, конечно, было бы неправильно. Жду твое сообщение о беседе с Гитлером»¹¹⁹.

13 ноября 1940 года в 4 часа 50 минут из Берлина в Москву также только Сталину и Вышинскому была отправлена шифртелеграмма Молотова о содержании его первой беседы с Гитлером¹²⁰. Молотов сообщал, что больше часа заняло первое заявление Гитлера, в котором он: «а) констатировал, что последнее советско-германское соглашение было на пользу обоих государств и если оно в чем-нибудь может быть и не выполнено, то, по его словам, никогда политическое соглашение не выполняется полностью, а иногда только на 25%;

¹¹⁵ Первая беседа Молотова с Гитлером состоялась 12 ноября и продолжалась 2 часа 30 минут — с 15.45 до 18.15. Вторая беседа Молотова с Гитлером проходила 13 ноября и заняла 3 часа 30 минут.

¹¹⁶ Полная запись разговора Молотова с Риббентропом была передана в Москву позднее. См.: Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. С. 36–41.

¹¹⁷ Молотов имеет в виду письмо министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа И.В. Сталину от 13 октября 1940 г. Оно было передано Молотову германским послом в Москве Фридрихом-Вернером фон дер Шуленбургом 17 октября. Его текст, переведенный на русский язык, опубликован в сборнике документов: 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 305–310.

¹¹⁸ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова из Берлина И.В. Сталину о беседе с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом... Л. 7.

¹¹⁹ Шифртелеграмма первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского полпреду СССР в Берлине А.А. Шкварцеву с текстом указания И.В. Сталина наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову относительно действия протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией применительно к Финляндии. 12 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2315. Л. 16-17.

¹²⁰ Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 41–47.

б) высказывал, что интересы и жизненные пространства Германии и СССР не находятся в противоречии и могут быть урегулированы и на будущее время более, чем на срок жизни человека; в) говорил, что Англия уже побеждена¹²¹ и как только метеорологические условия позволят, он покажет весьма конкретно, что это означает, но во всяком случае Англия не должна заниматься делами Европы; г) французские деятели, как Петан и Лаваль, по словам Гитлера, понимают и идут навстречу планам Германии; д) интересы Германии теперь лежат в Средней Африке, т.е. примерно в плоскости возвращения старых германских колоний с некоторыми коррективами, так как в Европе Германия уже обеспечила себе пространство по крайней мере на сто лет вперед, хотя в другом месте он говорил, что на Балканы их толкает нужда в сырье (а не только военные интересы против Англии)»¹²².

Заявления Риббентропа и Гитлера, сделанные во время их бесед с Молотовым, показывают, что руководители фашистской Германии пытались скрыть свои подлинные геополитические замыслы. Молотов же старался узнать как можно больше о фактах, позволявших если не раскрыть эти планы, то хотя бы догадаться об их сущности.

13 ноября 1940 года в 11 часов утра из Москвы в Берлин Молотову была передана от имени Сталина, закодированного словом «Инстанция», еще одна зашифрованная телеграмма, на этот раз по вопросу обеспечения безопасности Советского Союза на южных рубежах. Ее текст составил Вышинский. Телеграмма содержала два основных указания Сталина Молотову: «1) Насчет Черного моря можно ответить Гитлеру, что дело не только в выходе из Черного моря, а главным образом, во входе в Черное море, который всегда использовался Англией и другими государствами для нападения на берега СССР. Все события от Крымской войны прошлого века и до высадки иностранных войск в Крым и Одессу в 1918 и 1919 году говорят о том, что безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически

¹²¹ На самом деле исход войны между Германией и Великобританией не был в то время ясен.

¹²² Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова из Берлина И. В. Сталину о беседе с А. Гитлером о выполнении условий советско-германского соглашения 1939 г., внешнеполитических интересах СССР и Германии, Тройственном пакте и «новом порядке в Европе». 13 ноября 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 216. Л. 42-43. Полный текст данной зашифрованной телеграммы был изложен на восьми страницах (Там же. Л. 42-49).

связан вопрос о гарантировании со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе Проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море. Этот вопрос особенно актуален теперь и не терпит отлагательства не только потому, что Турция связана с Англией, но и потому, что Англия своим флотом заняла острова и порты Греции, откуда она всегда может угрожать берегам СССР, используя свое соглашение с Турцией. 2) Во всем остальном исходи из известных тебе директив, и если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше»¹²³.

13 ноября в 14 часов 50 минут из Москвы в Берлин Молотову была отправлена зашифрованная телеграмма о линии поведения, которой он должен был придерживаться при обсуждении с руководителями Германии вопросов, касающихся Персии, Турции, Китая, а также возможной советско-германской декларации. «Советуем, — говорилось в этом документе: — 1. Не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложения немцев. 2. Насчет Турции держаться пока в рамках мирного разрешения в духе Риббентропа, но сказать, что мирное разрешение не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию, как средства давления на Турцию. 3. Если немцы предложат раздел Турции, то в этом случае можно раскрыть наши карты в духе директивы, так и во втором случае аргументы шифровки Инстанции. 4. О Китае согласиться с Риббентропом насчет компромисса, не разворачивая пока директивы. 5. Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов»¹²⁴.

Исходный текст этой шифротелеграммы был написан синим карандашом и рукою Сталина, но под ним красным карандашом было начертано «Вышинский».

13 ноября 1940 года в 16 часов 40 минут в Москву персонально Сталину и Вышинскому была отправлена из Берлина шифротелеграмма Молотова о его

¹²³ Шифротелеграмма наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову в Берлин о заинтересованности СССР в обеспечении безопасности причерноморских районов Советского Союза. 13 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2315. Л. 29-30.

¹²⁴ Шифротелеграмма И.В. Сталина наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову о линии поведения на переговорах с Германией при обсуждении различных вопросов (о Персии, Турции, Китае, возможной советско-германской декларации). 13 ноября 1940 г. // Там же. Л. 35-35об.

встречах с Г. Герингом¹²⁵, Р. Гессом¹²⁶ и Ф.-В. фон дер Шуленбургом¹²⁷. Этими встречами завершилась содержательная часть визита советской делегации в Берлин. По его итогам было издано специальное коммюнике. В первоначальном проекте указанного документа, составленном Молотовым, говорилось: «Во время пребывания в Берлине в течение 12–13 ноября с. г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов имел беседу с рейхсканцлером А. Гитлером и министром иностранных дел Германии Риббентропом»¹²⁸. Далее констатировалось: «В этих беседах, протекавших в дружественной атмосфере, состоялся обмен мнениями по внешнеполитическим вопросам между обоими правительствами и был затронут ряд вопросов советско-германских отношений и перспективы их развития»¹²⁹.

14 ноября 1940 года Молотову в Берлин была передана телеграмма, в которой рекомендовалось вместо простой констатации факта обмена мнениями заявить в коммюнике о том, что «обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию»¹³⁰. Данная рекомендация официально исходила от Сталина, передал ее Вышинский. Молотов в тот же день ответил Сталину шифрованной телеграммой, что приехавший к нему для проводов Риббентроп согласился с представленным советской стороной вариантом коммюнике¹³¹.

¹²⁵ Полную запись беседы Молотова с Герингом см. в издании: Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 56–60.

¹²⁶ Полную запись беседы Молотова с Гессом см. в издании: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия. 1932–1941. Издание дополненное и расширенное. М., 2019. С. 423–424.

¹²⁷ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова из Берлина И. В. Сталину о встрече с председателем Рейхстага Г. Герингом и заместителем фюрера по партии Р. Гессом, встрече с послом Германии в СССР Ф. фон дер Шуленбургом для обсуждения вопроса о выводе германских войск из Финляндии. 13 ноября 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 216. Л. 51.

¹²⁸ АВП РФ. Ф 059. Оп 1. П. 339. Д. 2315. Л 54.

¹²⁹ Там же. Л. 55.

¹³⁰ Телеграмма первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского в полномочное представительство СССР в Германии. Тов. Молотову от Инстанции. 14 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 82.

¹³¹ Шифротелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова И.В. Сталину о согласовании с германской стороной проекта совместного коммюнике по итогам визита. 14 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 57.

Столь высокая оценка советско-германских переговоров не могла не вызвать крайне отрицательной реакции со стороны правительства Великобритании. И такая реакция действительно последовала. 15 ноября 1940 года советский посол в Великобритании И. М. Майский сообщил шифрованной телеграммой в Москву: «Поездка товарища Молотова в Берлин вызвала в здешних правительственных и политических кругах смешанные чувства разочарования, раздражения и тревоги. В течение последних 1½ – 2 месяцев в этих кругах (а особенно в МИД) все больше укреплялось мнение, что дело идет к неизбежной “ссоре” между СССР и Германией из-за Балкан, что СССР поэтому автоматически “придет” к Англии даже без того, чтобы Англия приложила сколько-нибудь серьезные усилия для привлечения его на свою сторону, – и вдруг такой неожиданный оборот»¹³².

Интересно, что телеграммы, исходившие непосредственно от Сталина, показывают его стремление избежать со стороны Советского Союза в переговорах с Германией каких-либо действий и слов, которые могли быть истолкованы британским правительством как враждебные по отношению к Великобритании. В свете этого обстоятельства появление в коммюнике о состоявшихся в Берлине советско-германских переговорах вывода о том, что они прошли «в атмосфере взаимного доверия» и установили «взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию», выглядит довольно странным. Однако, если принять во внимание, что данная поправка была предложена не самим Сталиным, а **от имени Сталина А. Я. Вышинским**, ее появление странным уже не кажется. 11 ноября 1940 года у Вышинского состоялась встреча с Криппсом, во время которой британский посол разговаривал с первым заместителем наркома иностранных дел СССР так, будто Советский Союз был зависимой от Великобритании страной и его будущее целиком определялось британским правительством¹³³. Вышинскому пришлось даже прервать Криппса и заявить ему о нежелании выслушивать его обвинения. Весьма вероятно, что при составлении коммюнике о советско-

¹³² Шифротелеграмма полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР о первой реакции британских правительственных кругов на визит наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в Берлин. 15 ноября 1940 г. // Там же. П. 325. Д. 2237. Л. 117.

¹³³ Об этой встрече Вышинского с Криппсом 11 ноября 1940 г. см. предыдущую статью: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 83. А.Я. Вышинский и советская доктрина международного права. Продолжение // Законодательство. 2024. № 6. С. 93.

германских переговорах Андрей Януарьевич воспользовался случаем, чтобы показать: нежелание британского правительства решать проблемы в советско-британских отношениях не остается без последствий. При этом советское руководство отчетливо сознавало, что в действительности никакого «взаимного доверия» и «взаимного понимания» между СССР и фашистской Германией не было и быть не могло.

Как показывает записка, собственноручно составленная В.М. Молотовым накануне поездки в Берлин, главные цели его переговоров с германскими руководителями были таковы: «а) Разузнать действительные намерения Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х (Г[ермании], Италии, Я[понии]) в осуществлении плана создания “Новой Европы”, а также “Велик[ого] Вост[очно]-Азиатского Пространства”; *границы*¹³⁴ “Нов[ой] Евр[опы]” и “Вост[очно]-Аз[иатского] Пр[остранства]”; *характер* госуд[арственной] структуры и отношения отд[ельных] европ[ейских] государств в “Н[овой] Е[вропе]” и в “В[осточной] А[зии]”; *этапы и сроки* осуществления этих планов и, по кра[йней] мере, ближайшие из них; *перспективы* присоединения других стран к Пакту 3-х; *место СССР* в этих планах в данный момент и в дальнейшем. б) Подготовить первоначальную наметку *сферы интересов СССР* в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с И[талией]), но не заключать какого-либо соглашения с Г[ерманией] и И[талией] на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время»¹³⁵.

Далее Молотов намечал в записке, какие страны и территории Германия должна признать сферой интересов СССР (За исключением Болгарии, Греции, Югославии — это страны, граничившие с Советским Союзом).

Руководство фашистской Германии, как и руководство СССР, не желало заключения новых соглашений между двумя странами. Очевидно, что намерение напасть на Советский Союз до завершения войны с Великобританией у Гитлера в то время уже созрело, и план военного похода на восток германским военным командованием был в стадии разработки. Поэтому главной целью переговоров руководителей Германии с Молотовым являлось не

¹³⁴ Слова, выделенные курсивом, в оригинальном тексте записки подчеркнуты волнистой линией. — В.Т.

¹³⁵ Некот[орые] дир[ектив]ы к Берл[инской] поездке (9/ХІ. 40 г.) // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 147–148.

улучшение германо-советских отношений и наполнение их новым содержанием, а обман советского руководства, внушение ему мнения об отсутствии у германского правительства агрессивных планов по отношению к СССР. В то же время германское руководство предпринимало попытки любыми способами обострить отношения Советского Союза с Великобританией. Риббентроп и Гитлер в разговорах с Молотовым утверждали, что подлинные интересы СССР находятся на юге — в центральной Азии¹³⁶, и навязчиво проводили идею продвижения Советского Союза в направлении Ирана, Афганистана, Индии. Между тем это была зона интересов Великобритании.

Чтобы столкнуть Советский Союз с Великобританией, исключив возникновение какого-либо союза между ними в будущем, руководители Германии не упускали случая показать советскому руководству враждебный настрой британского правительства по отношению к СССР.

Так, в письме к Сталину, датированном 13 октября 1940 года, министр иностранных дел Германии Риббентроп, приглашая Молотова посетить Берлин с официальным визитом, сообщил: «Вы поймете, что нам доставляет удовлетворение открыть миру глаза на беспримерную неспособность и на прямо-таки преступное легкомыслие, с которыми современные английские властители, объявив Германии войну, ввергли в несчастье не только свой собственный народ, но и другие народы Европы. Но то, что господа с Темзы помимо всего этого не побоялись бы напасть на совершенно непричастные нации только потому, что они, невзирая на английские представления и даже угрозы, продолжали свою естественную торговлю с Германией, доказано находящимися в нашем распоряжении документами. Например, советский нефтяной центр в Баку и нефтепорт в Батуми, несомненно, уже в этом году сделались бы жертвой британских покушений, если бы разгром Франции и изгнание английской армии из Европы не сломили бы английский дух нападения как таковой и не положили бы внезапный конец всем этим махинациям»¹³⁷.

¹³⁶ По словам Гитлера, сказанным во время его второй беседы с Молотовым, Германия рассматривает как сферу интересов России «центральноазиатское» пространство, которое «распространяется на Юг, обеспечивая выход в открытый океан» (Беседа председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером. 13 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 69.

¹³⁷ Письмо министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа к И.В. Сталину. Берлин, 13 октября 1940 г. // 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 307.

Британское правительство прилагало огромные усилия, чтобы поссорить между собой Советский Союз и Германию, германское же руководство настойчиво стремилось столкнуть СССР с Великобританией. Советские руководители, и в особенности наркомат иностранных дел СССР, оказывались в результате в довольно сложном положении.

5 декабря 1940 года на совещании у Гитлера обсуждались уже конкретные детали ведения войны против Советского Союза, в частности, ставилась цель «овладеть таким рубежом, который исключал бы проведение противником воздушных налетов на Германию. После достижения этой цели — комбинированные действия с целью разрушения источников военной и экономической мощи противника (военная промышленность, шахты, нефтяные источники). Цель операции — уничтожить жизненную силу России. Не должно оставаться никаких политических образований, способных к возрождению. Будут участвовать Финляндия, Румыния... Захват Москвы не имеет большого значения»¹³⁸.

18 декабря 1940 года Гитлер утвердил Директиву Верховного командования вооруженными силами Германии под кодовым наименованием «операция Барбаросса». Этот документ начинался с утверждения: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»¹³⁹.

29 декабря в 19.00 в Разведуправлении Генерального штаба Красной Армии была получена шифртелеграмма из Берлина, расшифрованный текст которой гласил: «Альта сообщил, что Ариец от высоко информированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений»¹⁴⁰.

Британское правительство в ноябре и декабре 1940 года вело себя по отношению к Советскому Союзу так, будто знало о том, что СССР в скором времени подвергнется военному нападению со стороны Германии.

¹³⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2 (1.7 1940 — 21.6 1941). М., 1969. С. 278.

¹³⁹ Директива № 21 Верховного командования вооруженными силами Германии («Операция Барбаросса») // 1941 год. Кн. 1. М., С. 452.

¹⁴⁰ Шифртелеграмма из Берлина в Разведуправление Генштаба Красной армии о приказе А. Гитлера о подготовке войны с СССР. 29 декабря 1940 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.

19 ноября к Вышинскому снова пришел на прием Стаффорд Криппс, и опять с претензиями. Самая главная из них касалась судьбы прибалтийских пароходов, задержанных Великобританией. Британский посол заявил, что его правительство не получило ответа на предложения об их судьбе и «поэтому оно решило использовать их по своему усмотрению»¹⁴¹. Вышинский постарался разъяснить Криппсу, что советское правительство принципиально не может признать за Англией права реквизировать советские суда и вследствие этого не вправе вести переговоры с британским правительством о размере фрахтовой суммы, условиях ее выплаты и т. п.

В оставшееся до нового 1941 года время общение Вышинского с Криппсом шло только посредством писем и нот. 27 ноября 1940 года первый заместитель наркома иностранных дел СССР направил британскому послу ноту о непричастности советского представительства в Лондоне к разглашению британских предложений о сотрудничестве от 22 октября. «Полученные мною в настоящее время от советского полпредства в Лондоне дополнительные данные, — сообщал Вышинский, — полностью подтверждают сделанное мною в беседе с Вами 19 ноября заявление. Советское правительство имеет серьезные основания полагать, что источником разглашения британских предложений явились чиновники министерства иностранных дел в Лондоне, в течение продолжительного времени сообщавшие разным журналистам сведения о предположениях¹⁴² Великобританского правительства, переданных Советскому правительству 22 октября с. г.»¹⁴³.

4 декабря 1940 года И. М. Майский сообщил Вышинскому из Лондона о том, что «Британское правительство фактически приступило к реквизиции балтийских пароходов»¹⁴⁴. Андрей Януарьевич в ответ направил 5 декабря советскому послу в Великобритании шифрованную телеграмму о необходимости заявить протест британской стороне в связи с реквизицией

¹⁴¹ Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом. 19 ноября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 106.

¹⁴² Так в оригинале. — В.Т.

¹⁴³ Нота первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского о непричастности советского представительства в Лондоне к разглашению британских предложений о сотрудничестве от 22 октября 1940 г., переданная послу Великобритании в СССР С. Криппсу. 27 ноября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 10. Д. 102. Л. 3.

¹⁴⁴ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР о реализации британскими властями решения о реквизиции прибалтийских судов и судьбе остающихся на них команд. 4 декабря 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 192.

прибалтийских судов¹⁴⁵, а 9 декабря обратился по этой проблеме к британскому послу Криппсу с письмом, в котором напомнил, что 19 ноября при личной встрече просил его «внести предложение Великобританскому правительству о выделении для отправки латвийских и эстонских моряков в СССР парохода из числа пароходов, задержанных в Англии»¹⁴⁶, но до сих пор народный комиссариат иностранных дел не получил ответа.

12 декабря Стаффорд Криппс передал в наркомат иностранных дел СССР на имя господина Вышинского письмо с изложением британской позиции по проблеме статуса прибалтийских пароходов. На семи с лишним страницах британский посол кратко описал историю данной проблемы и постарался ответить на аргументы, выдвинутые Вышинским при их личной встрече. В конце письма он выразил надежду, что конфликт по поводу пароходов, принадлежавших ранее прибалтийским республикам и задержанных Великобританией, будет разрешен путем переговоров в Лондоне между советским послом Майским и представителями британского правительства¹⁴⁷.

26 декабря 1940 года Вышинский направил Криппсу ответное письмо, в котором сообщил: «Я признателен Вам за столь подробное изложение в письме от 12 декабря с. г. всех обстоятельств многочисленных бесед, имевших место между нами за последние 2-3 месяца, — заявил первый заместитель наркома иностранных дел СССР. — Однако, я не могу не выразить сожаления, что Ваше изложение этих обстоятельств во многих случаях весьма значительно отличается от того, как эти обстоятельства припоминаются мне и как это отражено в моих записях наших бесед»¹⁴⁸. На четырех последующих страницах данного письма Вышинский показал, как искажалась высказанная им позиция или точка зрения британским послом. Андрей Януарьевич уличал Криппса в откровенном обмане, а в конце письма констатировал, что британское

¹⁴⁵ Там же. П. 326. Д. 2239. Л. 132.

¹⁴⁶ Письмо первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского послу Великобритании в СССР Р.С. Криппсу. 9 декабря 1940 г. // Там же. Ф. 959. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 148.

¹⁴⁷ Письмо посла Великобритании в СССР С. Криппса первому заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского о задержанных прибалтийских судах. 12 декабря 1940 г. // Там же. Ф. 07. Оп. 1. П. 2. Д. 27. Л. 85-92.

¹⁴⁸ Письмо первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского послу Великобритании в СССР С. Криппсу о задержанных прибалтийских судах. 26 декабря 1940 г. // Там же. Л. 80.

правительство не решило ни одного вопроса, связанного с задержанием прибалтийских пароходов,

За два дня до этого первый заместитель наркома иностранных дел направил послу СССР в США К. А. Уманскому письмо, в котором кратко (на трех с половиной страницах) изложил суть своих переговоров с Крипсом о возвращении в СССР задержанных Великобританией пароходов и золота, перешедших в союзную собственность после вхождения республик, которым они принадлежали, в состав Советского Союза. В последнем пункте этого письма Вышинский сделал следующий вывод: «Галифакс, Батлер, Черчилль и др. лица из состава правительства, с которыми приходится встречаться Майскому, часто намекают, а иногда и прямо дают понять, что все мероприятия в отношении СССР согласовываются с правительством США. Ясно, что внешняя политика Лондона все более и более зависит в настоящее время от Вашингтона»¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Шифртелеграмма первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского полномочному представителю СССР в США К. А. Уманскому о политике Великобритании по отношению к Советскому Союзу. 24 декабря 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 134.